

С.Г. ПУШКАРЕВ

**РОЛЬ
ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ
В
ИСТОРИИ
РОССИИ**

С. Г. Пушкарев

**РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В ИСТОРИИ РОССИИ**

**СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГИЕВА
ЛАВРА**

С.Г. ПУШКАРЕВ

**РОЛЬ
ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ
В
ИСТОРИИ
РОССИИ**

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

**POSSEV-USA
New York 1985**

A photo-reprint of two historical essays by Sergei G. Pushkarev, 1888 - 1984: "The role of the Orthodox Church in Russian History" (1938) and "St. Sergius Holly Trinity Monastery" (1928).

© 1985 by B. Pushkarev

All rights reserved.

Library of Congress Catalog Card Number: 85-080831
ISBN: 0-911971-13-0

POSSEV-USA
501 Fifth Ave.
New York, NY 10017

Издано при содействии Русского Исследовательского Фонда
по изучению альтернатив советской политике (США).

Предисловие

Предстоящее в 1988 году тысячелетие Христианства на Руси совпадает с решающими сдвигами в сознании многих. В течение последних лет официальная идеология марксизма-ленинизма — хотя и продолжает почитаться основой государственного строя — обнаруживает все яснее свою духовную немощь. Ни молодежь, ни интеллигенция, ни широкие народные массы ею не вдохновляются. Между государственной мощью и духовно-душевым содержанием жизни общества образовалась пропасть, которая может еще просуществовать в течение десятилетий, но когда-нибудь неизбежно будет чем-то заполнена.

Православные храмы переполнены людьми, в огромном большинстве родившимися после революции; возрождение интереса к древней русской культуре и искусству; продолжающееся решающее влияние классической — в основе своей христианской — русской литературы — все это указывает на то, что русские люди продолжают искать Истину и Смысл жизни там, где их предки эту Истину обрели — в Православной Церкви.

Но на пути к православному возрождению стоит

одно большое препятствие: не столько прямая и малоубедительная антирелигиозная пропаганда, а недоступность синтетического, честно-критического, открытого знания истории, без которого настоящее необъяснимо и непонятно.

Поэтому переиздание двух замечательных очерков покойного С. Г. Пушкирева, напечатанных почти столетия тому назад в Чехословакии, можно приветствовать как особенно полезное именно теперь.

Правда, по истории Древней Руси было издано много очень ценного. Отдельные вопросы русского духовного прошлого освещены по-новому. Но официальная идеология всегда препятствовала — и еще препятствует верующим (хотя бы втайне) авторам писать прямо и ясно *о Церкви* как таковой. Поэтому даже такой краткий конспект, как очерк С. Г. Пушкирева о „Роли Православной Церкви в истории русской культуры и государственности”, несомненно откроет многим глаза и позволит им соединить воедино отдельные сведения, находимые и в доступной советскому человеку литературе. А очерк о Свято-Троицкой Сергиевой Лавре (написанный в 1928 году, когда Лавра была закрыта) позволит многим более сознательно при посещении Лавры в Загорске почувствовать там биение сердца Православной Руси.

К церковному прошлому России С.Г. Пушкирев относится трезво, без ненужной романтики. Он не скрывает темной стороны введенной Петром 1 секуляризации и не идеализирует того, что идеализации не подлежит. Возможно, что методы и корни государственного произвола в церкви, установленного Петром, можно было бы возвести и к более раннему Московскому периоду в истории Русской Церкви... Но читатель поймет бесспорно, что очерки написаны с одной лишь целью: показать, что при самых разных — благоприятных и неблагоприятных исторических обстоятельствах —

Святая Церковь оставалась Церквью, т.е. открывала людям их истинное и единственное назначение: быть гражданами не только земного отечества, но и Царства Божия, и тем самым обладать подлинной радостью и внутренней неотъемлемой свободой.

*Протоиерей Иоанн МЕЙЕНДОРФ
Декан Свято-Владимирской Духовной Академии*

Нью-Йорк

С. Г. Пушкаревъ.

Роль Православной Церкви въ исторіи русской культуры и государственности.

ВЛАДИМІРОВА.

1938.

І. ДРЕВНІЙ ПЕРІОДЪ. X-XIII ВѢКА ¹⁾.

Русь Кіевская, Ростовско-Суздальская и Новгородская ²⁾.

Православная христіанская вѣра пришла на Русь изъ греческой Византіи въ X столѣтїи и прежде всего стала распространяться въ стольномъ городѣ Кіевѣ, который находился въ то время въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Царьградомъ. Въ 957 году приняла христіанство великая княгиня Кіевская Ольга, правившая государствомъ въ малолѣтство своего сына Святослава, а въ 988 году внукъ ея святой и равноапостольный князь Владиміръ крестился самъ и кре-

1) Настоящій очеркъ былъ въ 1933 году изданъ женеvскимъ издательствомъ „Борьба за культуру“ въ видѣ литографированной лекціи. Текстъ настоящаго изданія значительно дополненъ. С. П.

2) до конца самостоятельности Новгорода Великаго въ 1478 году.

стиль подвластныхъ ему кїевлянъ, послѣ чего вѣра христїанская стала быстро распространяться по всей Руси.

Изъ Византіи прибыль въ Кїевъ поставленный константинопольскимъ патріархомъ митрополитъ съ сонмомъ греческаго духовенства, которое ревностно занялось устройствомъ и просвѣщеніемъ своей новой паствы. Духовенство принесло съ собою книги Св. Писанія и богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ (великое дѣло составленія славянской азбуки и перевода книгъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ исполнило около 860 года святые равноапостольные братья Кирилль и Меодїй, просвѣтителі славянъ).

Въ концѣ X и въ слѣдующихъ вѣкахъ были учреждены епископіи въ цѣломъ рядѣ русскихъ городовъ, а въ 1051 году, при вел. князѣ Ярославѣ Мудромъ, былъ уже поставленъ первый митрополитъ изъ русскихъ — св. Илларионъ („мужъ благъ, книженъ и постникъ“, по выраженію лѣтописца). Къ этому же времени относится начало монашества на Руси: преп. Антоній, пострижникъ Аѳонской горы, положилъ основаніе Кїево-Печерскому монастырю, вторымъ игуменомъ и устройтелемъ котораго былъ преп. Ѳеодосій (ум. 1074 г.). Созданная великими подвижниками Кїево-Печерская обитель послужила высокимъ образцомъ для другихъ русскихъ монастырей и имѣла огромное значеніе не только въ церковной, но и въ общекультурной жизни Кїевской Руси. Изъ ея стѣнъ вышелъ цѣлый рядъ выдающихся дѣятелей и подвижниковъ церкви, и въ ея же стѣнахъ получила начало русская письменность. Кїево-Печерскій монастырь скоро сталъ центромъ древне-русской образованности. Помимо духовныхъ поученій и житій, здѣсь зародилось и русское лѣтописаніе, и тѣмъ, что мы знаемъ о древнѣйшихъ временахъ нашего отечества, мы обязаны, въ первую очередь, просвѣщеннымъ и трудолюбивымъ инокамъ Кїево-Печерскаго монастыря (преп. Несторъ лѣтописецъ, жившій во второй половинѣ XI вѣка). Должно отмѣтить, что въ твореніяхъ древне-русскихъ лѣтописцевъ мы находимъ не только глубокое религіозное, но и широкое патріотическое настроеніе. Лѣтописецъ Кїевского періода,

въ эпоху политическаго раздробленія русской земли на отдѣльныя княженія, все же думаетъ и пишетъ о Русской землѣ въ ея цѣломъ; онъ призываетъ князей къ дружной и согласованной защитѣ русской земли противъ ея внѣшнихъ враговъ, призываетъ къ прекращенію внутреннихъ раздоровъ и междоусобій, усматривая въ нихъ дѣло врага и соблазнителя рода человѣческаго—дьявола.

Древне-русскіе монахи смотрѣли на занятіе книжнымъ дѣломъ—составленіе житій, поученій, лѣтописей, переводъ и переписка книгъ Св. Писанія, богослужебныхъ книгъ, твореній отцовъ церкви—какъ на дѣло святое и богоугодное. „Велика бо бываетъ польза отъ ученя книжнаго,—пишетъ лѣтописецъ,—книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напаяющи вселенную, се суть исходяща мудрости, книгамъ бо есть неисчетная глубина, сими бо въ печали утѣшаемы есмы“...

Вслѣдъ за Кіево-Печерскимъ возникаетъ на Руси цѣлый рядъ другихъ монастырей, особенно многочисленныхъ въ двухъ главныхъ центрахъ тогдашней Руси—въ Кіевѣ и въ Новгородѣ, и они также не только сосредотачиваютъ въ себѣ полноту религиозной жизни, но развиваютъ элементы книжной образованности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, потребности церковнаго строительства и церковной живописи даютъ поводъ и побужденіе для развитія изобразительныхъ искусствъ въ древней Руси, которая производитъ (сначала съ помощью греческихъ мастеровъ, а впослѣдствіи и своими силами) цѣлый рядъ замѣчательныхъ памятниковъ церковнаго искусства, какъ напримѣръ Софійскій соборъ въ Кіевѣ или церковь св. Богородицы во Владимірѣ.

Роль церкви въ общественно-политической жизни древней Руси была не менѣе значительна и плодотворна.

Организовавшаяся въ концѣ X и въ началѣ XI вѣка на Русской землѣ православная церковь имѣла передъ собой еще полуязыческое общество съ цѣлымъ рядомъ варварскихъ институтовъ и грубыхъ обычаевъ. Прimitивная форма брака когда жены добывались умыканіемъ (похищеніемъ)

ніемъ) или покупкой, и когда обычнымъ (среди состоятельныхъ людей) было многоженство; грубая формы рабства, когда съ рабами обращались какъ съ рабочимъ скотомъ, такъ что побой, изувѣченіе или даже убійство раба не являлись не только преступнымъ, но даже морально - предосудительнымъ дѣяніемъ; между свободными обычай кровной мести за убійство, вмѣсто наказанія по суду; примитивную и лишенную идейной основы государственную власть, державшуюся лишь вооруженной силой своихъ „дружинниковъ“.

„Не ломая прямо закоренѣлыхъ привычекъ и предразсудковъ, церковь исподволь прививала туземному быту новыя понятія и отношенія, перевоспитывая умы и нравы, приготавливая ихъ къ воспріятію новыхъ нормъ, и такимъ образомъ глубоко проникала въ юридическій и нравственный складъ общества“ (Ключевскій). Прежде всего она установила на Руси христіанскую форму брака и стремилась всячески упорядочить семейныя отношенія. Въ вѣдѣніе церкви первые христіанскіе князья передали не только судъ по дѣламъ о преступленіяхъ или проступкахъ противъ религіи и нравственности, но и судъ по вопросамъ, касающимся семейнаго права. — Не возставая прямо и категорически противъ рабства вообще, церковь однако стремилась къ смягченію грубыхъ формъ рабства, призывая господъ къ милосердію и состраданію по отношенію къ рабамъ и признавая грѣхомъ мучительство рабовъ и обремененіе ихъ непосильной работой; проповѣдуя христіанскую идею братства всѣхъ людей, какъ чады единого небеснаго Отца, церковь призывала господина видѣть въ лицѣ раба живую человѣческую душу, а не безсловесный и безотвѣтный рабочій скотъ 1).

1) Впослѣдствіи, въ концѣ XV в., извѣстный церковный дѣятель и писатель преп. Іосифъ Волоцкій въ посланіи о милованіи рабовъ убѣждалъ рабовладѣльцевъ: „Божественныя Писанія“... „повелѣвають не яко раби имѣти, но яко братію миловати и питати и одѣвати доволно и душами ихъ пещися еже о спасеніи“. — „И ты, господине, зри о семъ, како Божественное Писаніе страшно претить и глаголетъ: есть бѣда велика и страшна и мученіе безконечное, еже не лекутся, ни имѣють

Возставая противъ обычая кровной мести, церковь, вмѣстѣ съ носителями свѣтской власти, стремилась кодифицировать юридическія нормы и установить соотвѣтствіе наказаній съ характеромъ и мотивами преступленій.

Стремясь воздѣйствовать въ духѣ болѣе развитыхъ нормъ гражданскаго порядка и общественной нравственности на все русское общество того времени въ его цѣломъ, церковь, по уполномочію княжеской власти, имѣла подъ своей юрисдикціей и своимъ непосредственнымъ управленіемъ особое общество церковныхъ людей, въ которое входило монашество, духовенство и церковнослужители съ ихъ семьями, лица жившія на церковныхъ земляхъ и находившіяся въ экономической зависимости отъ церкви, вольноотпущенные по духовнымъ завѣщаніямъ, убогіе и безпріютные, нишіе, калѣки, странники и т. д. Съ самаго возникновенія своего церковь стала нѣкоторымъ институтомъ соціального обезпеченія для наиболѣе слабыхъ и обездоленныхъ элементовъ общества, которымъ угрожала гибель или рабское состояніе въ условіяхъ жестокой и грубой борьбы за существованіе, свойственной варварскимъ эпохамъ общественнаго развитія.

Въ области государственно - политической церковь стремилась поднять значеніе княжеской власти и придать ей въ глазахъ какъ самихъ носителей власти, такъ и подвластнаго населенія не только болѣе возвышенный политическій характеръ, но и болѣе высокое религіозно - моральное обоснованіе. Русскій князь до - христіанской эпохи былъ не столько государемъ для своего народа, сколько военнымъ вождемъ или завоевателемъ - добытчикомъ, силами своей дружины державшимъ въ подчиненіи массы окрестнаго туземнаго населенія и собиравшимъ съ этого населенія дань,

печали о домашнихъ, своихъ сиротахъ, но токмо дѣломъ насилующе и ранами казняще, одѣянія же и пищи не дающе и гладомъ моряще, а душами ихъ не пекущеся..., ниже вспоминая, яко вси есмь созданіе Господне, вси плоть едина, и вси муромъ единѣмъ помазани, и вси въ руцѣ Господни, ... и всѣмъ стати предъ единѣмъ Царемъ страшнымъ на судѣ Его“...

взысканіе которой иногда приближалось къ прямому грабежу (какъ это ярко изображено въ извѣстномъ лѣтописномъ разсказѣ объ убійствѣ Игоря Древлянами). Иногда населеніе богатыхъ городовъ расположенныхъ по великому водному пути „изъ Варягъ въ Греки“, т. е. по линіи Днѣпра - Волхова (главными городами здѣсь были Кіевъ и Новгородъ), само призывало къ себѣ князей съ вооруженными дружинами для охраны границъ своихъ областей и путей внѣшней торговли.

Указанныя черты древне - русскаго князя или завоевателя, или приглашеннаго населеніемъ охранителя внѣшней безопасности не исчезаютъ, конечно, съ принятіемъ христіанства и долго еще сохраняются въ политической практикѣ и въ политическомъ сознаніи древней Руси, но церковь приносить на Русь и дѣятельно проповѣдуетъ иные, болѣе возвышенные взгляды на происхожденіе и сущность верховной государственной власти. Греческое духовенство, а за нимъ и русское переносятъ на русскихъ князей высокое понятіе о государѣ, связанное съ саномъ и властью византійскихъ императоровъ. „На Кіевскаго князя пришлое духовенство переносило византійское понятіе о государѣ, поставленномъ отъ Бога не для внѣшней только защиты страны, но и для установленія и поддержанія внутренняго общественнаго порядка“ (Ключевскій). Князь долженъ осуществлять правосудіе, защищать обиженныхъ и слабыхъ, карать преступниковъ. „Ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе“ — говорили епископы Владиміру. — Упомянутый выше митрополитъ Илларионъ хвалитъ князя Владиміра за то, что онъ „часто съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ отцами своими епископами о томъ, какъ установить законъ среди людей, недавно познавшихъ Господа“.

Съ самаго возникновенія христіанства на Руси князья обычно призываютъ къ себѣ на совѣтъ о всякихъ государственныхъ дѣлахъ наиболѣе видныхъ и авторитетныхъ представителей духовенства — епископовъ и игуменовъ. И эти представители церкви, засѣдая въ княжескомъ совѣтѣ вмѣстѣ съ „княжими мужами“ и „старцами градскими“, т. е. стар-

шими представителями княжеской дружины и городского населения, обсуждаютъ и рѣшаютъ съ ними вмѣстѣ вопросы, касающіеся не только устройства внутренняго порядка, но и обезпеченія внѣшней безопасности русской земли. Въ 1096 г., задумавъ большой походъ противъ главныхъ враговъ тогдашней Руси — половцевъ, великій князь Кіевскій Святополкъ Изяславовичъ и его двоюродный братъ, знаменитый Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ посылаютъ къ черниговскому князю Олегу Святославичу приглашеніе на совѣтъ: „пойди Кіеву, да порядъ положимъ о Русьстей земли предъ епископы и игумены, и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ людьми градскими, да быхомъ оборонили Руськую землю отъ поганыхъ“.

Но не только внѣшніе враги въ то время разоряли и беспокоили русскую землю. Она распадалась на много отдѣльныхъ княженій, и князья не рѣдко враждовали между собой, причиняя своими раздорами и междуусобіями новыя бѣды и разореніе своимъ подвластнымъ. И здѣсь на долю духовенства выпала новая задача — примиренія ссорившихся князей и укрощенія междуусобій.

Въ 1097 году, когда князья - союзники Владиміръ Мономахъ, Давидъ и Олегъ хотѣли идти войной на Святополка Кіевского, митрополитъ Николай, по просьбѣ кіевлянъ, взялъ на себя посредничество по предотвращенію междуусобной войны и, отъ ихъ имени, обратился къ князьямъ, шедшимъ съ войсками на Кіевъ, съ горячимъ увѣщаніемъ: „Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не можѣте погубити Русскыя земли; аще бо възмете рать межю собою, погании (т. е. половцы) имуть радоватися, и возмутъ землю нашу, юже бѣша стяжали отци ваши и дѣды ваши трудомъ великимъ и храбрѣствомъ, поборающе по Руськой земли, ины земли приискиваху, а вы хотите погубити землю Руськую“. Когда Владиміръ Мономахъ выслушалъ рѣчь митрополита, „не преслуша молбы его (т. е. не отвергъ его просьбы), Владимиръ бо такъ бѣше любезнивъ, любовь имѣя къ митрополитомъ, и къ епископомъ, и къ игуменомъ, паче же и чернечскій чинъ любя“... Междуусобная война была предотвращена. — въ концѣ XII вѣка (въ 1195 г.) митропо-

лить Никифоръ говорить кievскому князю Рюрику Ростиславичу: „Княже! мы есмь приставлены въ Руской землѣ отъ Бога востягивати (т. е. удерживать) васъ отъ кровопролитія“... — Въ 1230 г. митрополитъ Кіевскій „и всея Руси“ Кириллъ, черниговскій епископъ Порфирій, игумень одного изъ кievскихъ монастырей и одинъ изъ княжихъ мужей приходили къ князьямъ сѣверо-восточной Руси Юрію, Ярославу и Святославу Всеволодовичамъ отъ Кіевского князя Владиміра Рюриковича и Черниговскаго князя Михаила, чтобы предотвратить надвигавшуюся опасность междуособной войны между князьями сѣверо-восточной и западной Руси. „И здѣ бо не остави Богъ труда митрополита бесъ памяти быти, и епископа Перфурья, — повѣствуетъ лѣтописецъ, ... — послушна убо Ярославъ брата своего старѣйшаго Гюргя, и отца своего митрополита, и епископа Перфурья и взя миръ съ Михаиломъ, и бысть радость велика“... — Въ 1270 г., когда угрожала междуособная война между суздальскимъ княземъ Ярославомъ и Новгородцами, и войска противниковъ уже стояли одни противъ другихъ въ боевой готовности, „присла митрополитъ грамоту въ Новъгородъ, рекъ тако: „миѣ поручилъ Богъ архіепископію въ Руськой земли, вамъ слушати Бога и мене; крови не проливайте, Ярославъ всеѣ злобы лишается, а за то язъ поручаюся“... И не да Богъ кровопролитія хрестьяномъ“...

Здѣсь должно упомянуть о роли архіепископа новгородскаго, возглавлявшаго церковь вольнаго и вольнолюбиваго „господина Великаго Новгорода“. Высшій іерархъ Новгородской церкви занималъ въ то же время первое мѣсто въ новгородскомъ правительственномъ совѣтѣ; важныя рѣшенія вѣча принимались по его благословенію; въ актахъ дипломатическихъ сношеній съ другими государствами или въ договорахъ съ князьями часто на первомъ мѣстѣ (впереди именъ высшихъ представителей свѣтской власти посадника и тысяцкаго) стояло имя владыки новгородскаго. Онъ управлялъ огромными церковными владѣніями, принадлежавшими св. Софіи (кафедральный храмъ въ Новгородѣ Великомъ) при помощи многочисленнаго штата своихъ служа-

щихъ, такъ называемыхъ „софіянъ“. Изъ населенія этихъ церковныхъ владѣній составлялась особая крупная военная единица — „владычинъ полкъ“. Въ случаяхъ политическихъ распрей и социальныхъ смуть, столь частыхъ въ Великомъ Новгородѣ, владыка Новгородскій, съ подвластнымъ ему духовенствомъ, нерѣдко являлся примирителемъ враждующихъ партій и предотвращалъ грозившее кровопролитіе.

Такъ, древне - русское духовенство, возвышаясь надъ свѣтскимъ обществомъ своимъ религиозно - нравственнымъ авторитетомъ, своими идеалами болѣе справедливой и упорядоченной общественной жизни и своею образованностью, не замыкалось однако въ особую касту, стоящую въ сторонѣ отъ общественной жизни съ ея интересами, нуждами и тревогами, но пребывало въ дѣятельномъ единеніи и сотрудничествѣ съ свѣтскимъ обществомъ и его правительственною властью. Съ другой стороны, нѣкоторые наиболѣе выдававшіеся своимъ благочестіемъ и своей доблестью рускіе князья признаются церковью за подвижниковъ и угодниковъ Божьихъ и причисляются къ лику святыхъ. Таковы князья просвѣтители Ольга и Владиміръ; князья - мученики Борисъ и Глѣбъ, погибшіе отъ руки братоубійцы Святополка; изъ эпохи болѣе поздней — князья - воины Александръ Ярославичъ Невскій и Довмонтъ (Тимоевъ) Псковскій, мечемъ защищавшіе Русь отъ натиска латинско - католическаго запада; князья - мученики, погибшіе въ Ордѣ татарской, — Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій и Михаилъ Ярославичъ Тверской. Устроители и защитники Русской земли или страдальцы за землю русскую — они стали по смерти своей небесными покровителями Русской земли.

II - ой ПЕРІОДЪ.

Отъ татарскаго завоеванія до конца XVII вѣка.

Во времена татарскаго ига (XIII - XV вв.) православной церкви выпала на долю великая задача сохраненія и укрѣпленія русской народности и русской государственности. Самое сознание національнаго единства русскаго народа образуется на почвѣ сознанія возникшаго ранѣе единства религіознаго — путемъ противопоставленія русско - православнаго населенія „поганому“ востоку, съ одной стороны, и латинскому (католическому) западу съ другой („бесерменству“ и „латинству“).

— „Русская Церковь бережно хранила идею единства русскаго народа. На основѣ единства „русской вѣры“ и выросло русское національное сознание — всѣ тверичи, москвичи, рязанцы, полочане, новгородцы, черниговцы, кievляне и т. д. сознали себя единымъ русскимъ народомъ прежде всего потому, что всѣ они исповѣдывали единую „русскую вѣру“ (И. И. Лаппо)“.

Глава русской церкви митрополигъ Кіевскій уже въ первой половинѣ XIII вѣка (еще до татарскаго завоеванія именуется митрополитомъ „всея Руси“. Между тѣмъ великіе князья стали усваивать себѣ титулъ „великій князь всея Руси“ только въ XIV вѣкѣ, да и въ то время титулъ этотъ былъ, конечно, не столько отраженіемъ политической дѣйствительности (ибо до государственнаго объединенія „всея Руси“ было еще слишкомъ далеко), сколько политическимъ притязаніемъ. Церковное единство Руси далеко предшествовало ея объединенію національно - государственному и само послужило однимъ изъ могучихъ средствъ этого объединенія.

Въ знаменательную эпоху XIV - XV вѣка, когда мед-

ленно, но неуклонно происходило національно - государственное объединение разрозненных русских земель вокруг Москвы, большую и благотворную роль в этом процессѣ собиранія національных силъ сыграли три знаменитыхъ первосвятителя, причисленные церковью къ лику святыхъ — митрополиты Петръ (1308 - 1326), Алексій (1353 - 1378) и Иона (1448 - 1461), — три столпа русской церкви и русской государственности. Всѣ они принимали дѣятельное участие въ дѣлахъ государственныхъ и способствовали собиранію Руси Москвой и возвышенію авторитета и власти великаго князя Московскаго и „всѣя Руси“. Перенесеніе митрополичей кафедры изъ Кіева на сѣверо - востокъ произошло въ 1299 - 1300 г.), когда митрополитъ Максимъ, „не терпя татарскаго насилія“ (по выраженію лѣтописи) переѣхалъ изъ разореннаго Кіева на сѣверъ, въ стольный городъ сѣверо - восточной Руси Владиміръ на Клязьмѣ. Преемникъ Максима, св. митрополитъ Петръ (родомъ изъ Галицкой Руси) сдѣлавшись митрополитомъ, вошелъ въ дружескія отношенія съ княземъ Московскимъ Иваномъ Даниловичемъ Калитой, помогалъ ему въ дѣлахъ строительства земскаго, подолгу живалъ въ Москвѣ и, по преданію, изрекъ пророчество о будущей славѣ и величіи Москвы. Его преемникъ митрополитъ Θεогностъ окончательно поселился въ Москвѣ, и такимъ образомъ, Москва стала церковною столицей Русской земли, что весьма много способствовало росту ея національно - политическаго значенія. Преемникъ Θεогноста, св. митрополитъ Алексій (родомъ изъ Черниговской земли) не только ревностно занимался дѣлами церковнаго управления и благоустройства, но и принималъ весьма дѣятельное участие въ государственныхъ дѣлахъ. По смерти въ 1359 году великаго князя Владимірскаго и Московскаго Ивана Ивановича, митрополитъ Алексій сталъ опекуномъ его малолѣтняго сына Дмитрія (впоследствии знаменитаго героя Куликовской битвы) и много помогъ ему въ достиженіи великокняжескаго престола (въ 1362 году), а затѣмъ, во время малолѣтства великаго князя, онъ сталъ фактическимъ главою и руководителемъ великокняжескаго правительства, стремясь къ возвышенію власти великаго князя,

и къ объединенію остальныхъ русскихъ князей „въ любви и докончаніи“ подъ главенствомъ великаго князя „всѣя Руси“. И въ послѣдствіи, до самой смерти своей, онъ не оставлялъ великаго князя Дмитрія Ивановича своею помощію и совѣтами въ дѣлахъ управленія и дипломатическихъ сношеній.

И великій свѣтильникъ русской церкви въ XIV в., основатель монашескаго пустынно - житія въ глухихъ дѣбряхъ сѣверо - восточной Руси, — преп. Сергій Радонежскій не чуждался заботъ государственныхъ. Князья и бояре пріѣзжали къ преп. игумену Троицкой обители за совѣтомъ, благословеніемъ и молитвенной помощію, а иногда обращались къ нему съ просьбой о помощи и въ дѣлахъ чисто государственныхъ. Не разъ пользовался его совѣтами и помощію знаменитый герой Куликовской битвы Дмитрій Донской. Въ великую и страшную минуту русской исторіи, предъ походомъ противъ татаръ въ 1380 г. великій князь Дмитрій Ивановичъ посѣтилъ Троице - Сергіеву обитель, и преподобный Сергій благословилъ его на борьбу съ Мамаемъ, обѣщавъ русскому воинству помощь Божію на супостатовъ, и послалъ съ нимъ въ бой противъ татаръ двухъ троицкихъ иноковъ — витязей (бывшихъ воиновъ) — Пересвѣта и Ослябю, которые пали героями въ побѣдоносной и славной Куликовской битвѣ. И если, по справедливому замѣчанію В. О. Ключевскаго, „Московское государство родилось на Куликовомъ полѣ, а не въ скопидомномъ сундукѣ Ивана Калиты“, то преподобнаго Сергія, вдохновителя Куликовской побѣды, мы должны признать какъ бы крестнымъ отцомъ Московскаго государства. — Но помощь преп. Сергія нужна была руководителямъ зарождавшагося обще - русскаго государства не только для борьбы съ внѣшними врагами, но и для умиротворенія внутреннихъ распрій и раздоровъ въ еще лишенной политическаго единства Русской землѣ. Преп. Сергій „явился примирителемъ удѣльныхъ князей въ ихъ столь губительныхъ для народа ссорахъ и тяжбахъ, предупреждая кровопролитія и налаживая „вождедѣнный миръ“ и согласіе, уча объ единствѣ русскихъ „православныхъ христіанъ“, какъ заро-

да, несмотря на его раздѣленіе по княжествамъ“ (И. И. Ланпо). Въ 1365 г. св. Сергій понудилъ нижегородскаго князя Бориса Константиновича признать верховную власть великаго князя Московскаго. Въ 1385 г., вскорѣ послѣ опустошительнаго нашествія на Русскую землю татарскаго хана Тохтамыша, на московскіе предѣлы напалъ враждебный сосѣдь великаго князя Дмитрія — князь Олегъ Рязанскій. Изнемогающій въ борьбѣ великій князь отпрамился снова въ Сергіевъ монастырь „и глаголаше съ моленіемъ преподобному игумену Сергію, да бы шель отъ него самъ преподобный игумень Сергій посольствомъ на Рязань ко князю Олегу о вѣчномъ мирѣ и о любви“; преподобный троицкій игумень, въ то время уже глубокой старикъ, отправился во главѣ посольства отъ великаго князя въ Рязань для того, чтобы добиться заключенія желаннаго мира. „Тихими и кроткими словесы и рѣчми и благоувѣтливыми глаголы“, онъ склонилъ суроваго рязанскаго князя къ примиренію съ великимъ княземъ Дмитріемъ; „Князь же великии Олегъ, — повѣствуетъ лѣтописецъ, — преложи свирѣпство свое на кротость, и утишися и, укротися, и умилися вельми душею, устыдѣбося толь свята мужа, и взялъ съ великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ вѣчный миръ и любовь... И возвратися преподобный игумень Сергій съ честію и съ славою многою на Москву... и достойно хвалимъ бысть и славенъ и честенъ отъ всѣхъ“. А передъ тѣмъ, по разсказу лѣтописца, „мнози бо преже того къ нему (князю Олегу) ѳздиша и не возмогоша умирити ихъ“. — Въ 1389 г. преп. Сергій присутствовалъ при кончинѣ вел. князя Дмитрія Ивановича, а передъ тѣмъ онъ былъ первымъ изъ свидѣтелей, передъ которыми было составлено духовное завѣщаніе вел. кн. Дмитрія, а можетъ быть, былъ и вдохновителемъ этого завѣщанія, проникнутаго высокимъ христіанскимъ духомъ (въ паставленіяхъ дѣтямъ) и глубокой политической мудростью (въ этомъ завѣщаніи московскій великій князь впервые „благословлялъ“ своего старшаго сына великимъ княженіемъ Владимірскимъ, полагая такимъ образомъ юридическое основаніе будущей единой державной великокняжеской власти).

Въ серединѣ XV вѣка православной церкви грозила опасность подпасть подъ власть главы католическаго міра — римскаго папы. Когда Константинопольская Церковь, подъ угрозю турецкаго порабоженія, приняла на Флорентійскомъ соборѣ (1439 г.) унію съ католической церковью, признавъ главенство римскаго первосвященника, къ этому постановленію присоединился и русскій митрополитъ, грекъ Исидоръ, бывшій на соборѣ. Однако по возвращеніи Исидора въ Москву, великій князь Московскій Василій Васильевичъ, а также духовенство и народъ, отказались принять унію съ латинскою церковью; митрополитъ, измѣнившій православію былъ свергнутъ и бѣжалъ въ Литву, потомъ въ Римъ, а въ Москвѣ соборомъ русскихъ епископовъ былъ поставленъ митрополитомъ рязанскій епископъ Іона, доблестный и твердый въ вѣрѣ архипастырь.

Съ этихъ поръ Русская Церковь сдѣлалась почти совершенно независимой отъ Церкви Константинопольской, признавая за послѣдней лишь іерархическое старшинство. Тотъ же митрополитъ Іона, во главѣ русскаго духовенства, сыгралъ важную роль въ дѣлѣ укрѣпленія власти великихъ князей московскихъ путемъ утвержденія правильнаго порядка наслѣдованія престола — отъ отца къ сыну. Въ несчастливое и безпокойное княженіе Василя II Васильевича (1425 - 1462 г.), когда съ притязаніями на великокняжескій престолъ выступили сначала дядя Василя—Юрій Дмитріевичъ, а потомъ сыновья послѣдняго — Василій Косой и Дмитрій Шемяка, московское духовенство, во главѣ съ митрополитомъ Іоной, рѣшительно стало на сторону Василя Васильевича, обличая незаконность притязаній двоюродныхъ братьевъ великаго князя на московскій престолъ и своимъ нравственнымъ авторитетомъ помогло рѣшенію этого спора въ пользу Василя II и установленію правильной династической преемственности на московскомъ (и владимірскомъ) великокняжескомъ престолѣ.

Прежде чѣмъ говорить о дѣятельности другихъ выдающихся іерарховъ московской Руси и государственной роли

церкви въ московское время, мы должны остановить свое вниманіе на своеобразномъ и значительномъ явленіи древне-русской жизни, оказывавшемъ всестороннее вліяніе на жизнь древне-русскаго общества и государства, на древне-русскихъ монастыряхъ. Аскетическая идея глубоко проникла собою древне-русскую церковную литературу и древне-русское общество. Длительное господство аскетической идеи на Руси объясняется не только побужденіями религиозно-нравственными, не только вліяніями церковно-литературными, но также всѣмъ ходомъ исторической жизни русскаго народа. Тяжелы и неустойчивы были условія его существованія: послѣ постоянныхъ опустошительныхъ набѣговъ кочевыхъ сосѣдей и междоусобныхъ браней Кіевскаго періода, — татарскій погромъ въ серединѣ XIII вѣка и долговременное татарское иго нанесли тяжкій ударъ экономическому благосостоянію страны и морально принизили русскаго человѣка; частыя моровыя повѣтрія, опустошительные пожары, губительный голодъ въ результатѣ неурожаевъ, — всѣ эти бѣдствія и напасти укрѣпляли въ народѣ взглядъ на міръ, какъ на арену полную золь и скорбей, какъ на „юдоль плачевную“; глубокой нравственный упадокъ въ общественной и домашней жизни укрѣплялъ сознаніе того, что „міръ во злѣ лежитъ“, и что трудно спасти душу свою, живя въ этомъ мірѣ „суетномъ“ и „многомятежномъ“... И чѣмъ болѣе тяжелую и безотрадную картину являла собою жизнь міра сего, тѣмъ съ большей любовью, отрадой и надеждой обращался взоръ русскаго человѣка къ міру иного порядка, къ міру, обитатели котораго отрекались отъ суеты „свѣтнаго“ житія и посвящали всю жизнь свою на служеніе Богу и спасеніе души своей. Взглядъ на монашество, какъ на идеаль высоконравственной истинно-христіанской жизни способствовалъ быстрому его росту и распространенію на Руси. „Свѣтъ инокамъ — ангелы, свѣтъ мірянамъ — иноки“ говорилъ древне-русскій человѣкъ, и „чпнъ“ монашескій или иноческій называлъ онъ иногда „ангельскимъ чпномъ монашескаго образа“, а монастыри называлъ онъ домами Божиими...

До середины XIII вѣка въ предѣлахъ сѣверо-восточ-

ной Руси возникло лишь около 25 монастырей, но XIV и XV вѣка явились временемъ усиленнаго монастырскаго строительства. Самымъ важнымъ и знаменитымъ изъ монастырей Московской Руси сталъ основанный св. Сергіемъ около 1340 года въ глухомъ лѣсу близъ маленькаго городка Радонежа монастырь въ честь св. Троицы.

Монастырь св. Сергія явился родоначальникомъ и образцомъ для монастырей новаго типа — монастырей пустынныхъ; въ то время какъ прежніе монастыри строились въ большихъ городахъ или около городовъ, св. Сергій и слѣдовавшіе по его стопамъ его ученики и сподвижники воздвигали свои обители вдали отъ городовъ, въ глухихъ лѣсныхъ дебряхъ сѣверо-восточной Руси. Уходя все дальше и дальше на сѣверъ (подвигаясь отъ Москвы и отъ Новгорода), русскіе пустынножители дошли до береговъ Бѣлаго моря и Сѣвернаго Ледовитаго океана и здѣсь зажгли яркіе маяки русскаго религіознаго свѣта (въ серединѣ XV вѣка возникла на островахъ Бѣлаго моря знаменитая обитель Соловецкая, основанная св. св. Савватіемъ, Германомъ и Зосимой, а въ половинѣ XVI в. на Мурманскомъ берегу обители Ѳеодорита Кольскаго и Трифона Печѣнгскаго, просвѣтителей лопарей). Наибольше славнымъ и успешнымъ рассадникомъ пустынныхъ монастырей въ сѣверо-восточной Руси стала обитель преп. Сергія, который явился вообще основоположникомъ сѣверно-русскаго монашества и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ покровителемъ и молитвенникомъ Русскаго государства. Ученики и собесѣдники св. Сергія основали до 30-ти новыхъ монастырей, и недаромъ говоритъ древній книжникъ, что св. Сергій „яко солнце сіяше предъ всѣми людьми и яко лучи отъ солнца ученицы его мнози провозсіша“ . . .

Изъ множества монастырей, основанныхъ въ этотъ періодъ (XIV - XV вѣка) упомянемъ Пафнутьевъ Рождество-Богородицкій монастырь близъ города Боровска; ученикъ преп. Пафнутія Іосифъ Санинъ основалъ въ 1479 г. знаменитый Волоколамскій монастырь. На островахъ Ладожскаго озера возникли монастыри Валаамскій (уже процвѣтавшій къ концу XIV вѣка) и Коневскій, основанный преп.

Арсеніемъ въ 1398 году; въ Бѣлозерскомъ краю возникла знаменитая обитель, основанная преп. Кирилломъ Бѣлозерскимъ въ 1397 году; въ половинѣ XV вѣка была основана преп. Ниломъ пустынь на рѣкѣ Соркѣ. И еще много славныхъ обителей возникло въ то время, общее же число монастырей, возникшихъ въ сѣверной Руси за два съ половиною столѣтія до конца XV вѣка составляло около 200. Въ XVI и XVII вв. усиленное строительство монастырей продолжалось; въ XVI в. возникло около 100 и въ XVII в. около 200 новыхъ монастырей. Впрочемъ, большинство этихъ монастырей были немногочисленными: количество братіи въ нихъ составляло иногда 5-10-20 человекъ, и лишь въ самыхъ крупныхъ и славныхъ обителяхъ доходило до 100 человекъ и превышало эту цифру.

Пустынные монастыри имѣли огромное значеніе не только для религіозной, но также для социальнo - хозяйственной жизни Русскаго народа. Поселившіеся въ глухомъ лѣсу иноки занимались не только подвигами благочестія, но и тяжелымъ хозяйственнымъ трудомъ. Они вырубали лѣсъ и строили себѣ храмъ и келліи, всякія хозяйственныя постройки и ограду монастырскую; затѣмъ, раскорчевавши лѣсъ, обращали добытую такимъ образомъ землю подъ пашню и огороды; въ прирѣчныхъ мѣстностяхъ заводили себѣ пастбища для скота и сѣнокосы; въ рѣкахъ и озерахъ ловили рыбу. Строгость подвижнической жизни и слава иноческихъ подвиговъ привлекала къ возникшимъ монастырямъ не только богомольцевъ и вкладчиковъ, но и крестьянъ земледѣльцевъ, которые селились вокругъ обители, какъ религіозной и хозяйственной опоры. „Монастырская колонизація встрѣчалась съ крестьянской и служила ей невольной путеводительницей“ (Ключевскій). Такъ вокругъ монастырей постепенно возникали мірскія поселенія, составлявшія вмѣстѣ съ иноческой братіей одинъ приходъ монастырской церкви. Случалось, что монастырь закрывался, но крестьянскій приходъ съ монастырскою церковью оставался. Случалось и такъ, что монастырь богатѣлъ и развивался, и окрестное крестьянское населеніе попадало къ нему сначала въ хозяйственную, а потѣмъ и въ юридическую за-

висимость. Монастыри зачастую получали отъ свѣтскаго правительства окружающую территорію, съ правомъ разрабатывать ее и призывать или „называть“ на нее поселенцевъ, для которыхъ на первое время предоставлялись значительныя податныя льготы. — И вотъ подъ энергичнымъ и умѣлымъ руководствомъ предприимчивыхъ старцевъ оживали пустынные пространства нашего дѣснаго сѣвера и широко вовлекались въ народно - хозяйственный оборотъ. Монастырь „называлъ“ на свои земли крестьянъ и бобылей предоставляя имъ податныя льготы, ссуды и „подмогу“, за которую они обязывались разрабатывать подъ пашню дѣвственные дѣса и ставить на своихъ участкахъ дворы со всѣми необходимыми хозяйственными постройками. Такъ возникали въ монастырскихъ владѣніяхъ сначала крестьянскіе „починки“, которые потомъ становились деревнями, иногда селами; иногда возникали „погосты“ (поселенія съ церковью и дворами для причта). Какъ широко развилась хозяйственно - колонизаціонная дѣятельность сѣверныхъ монастырей въ XV и XVI вв. покажетъ намъ примѣръ монастыря Кирилло - Бѣлозерскаго, во владѣніяхъ котораго въ одномъ только бѣлозерскомъ уѣздѣ въ 1544 году насчитывалось 4 села, 3 сельца, 252 деревни и 143 починка (при этомъ нужно, конечно, имѣть въ виду небольшіе размѣры прежнихъ сѣверныхъ деревень).

Кромѣ пути колонизаціоннаго, множество населенныхъ земель монастыри пріобрѣтали въ качествѣ вкладовъ на поминъ души. Впослѣдствіи нѣкоторые богатые монастыри пріобрѣтали земли и путемъ покупки.

Иногда въ непосредственной близости отъ монастырей возникали большія поселенія полугородскаго типа—слободы и „посады“ съ ремесленнымъ и торгово - промышленнымъ населеніемъ. И когда новой Россіи уже въ XVIII вѣкѣ понадобились новые города, какъ административные центры для уѣздовъ, то многіе города были образованы именно изъ подмонастырскихъ посадовъ и слободъ. Такъ возникли уѣздные города: Калязинъ (Тверской губ.), Варнавинъ (Костромской губ.), Макарьевъ (Костромской губ.) и Макарьевъ Нижегородской губ. (здѣсь возникла знаменитая

макарьевская ярмарка), Покровъ (Владимірск. губ.). Кирилловъ и Череповецъ (Новгородск. губ.), Образовавшійся вокругъ Троице Сергіевскаго монастыря Сергіевскій посадъ не былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ, но по числу своего населенія превысилъ всѣ уѣздные города Московской губерніи. Замѣтимъ еще, что на далекомъ Бѣломорскомъ сѣверѣ, около монастыря св. Михаила Архангела возникъ важнѣйшій торговый пунктъ Московской Руси—городъ Архангельскъ.

Въ XVIII вѣкѣ всѣ вообще населенныя монастырскія владѣнія были взяты въ вѣдѣніе и управление государства. Такимъ образомъ, русскіе монастыри, временно изъявшіе изъ свѣтскаго общества значительную часть общественно-хозяйственныхъ силъ и средствъ, возвратили ихъ затѣмъ свѣтскому обществу въ развитомъ и значительно увеличенномъ видѣ, и потому предъ лицомъ безпристрастнаго суда могли бы со спокойной совѣстью отвѣтить словами евангельской притчи: „пять талантъ ми еси предалъ—се другая пять талантъ приобрѣтохъ на нихъ“...

Такъ сложнымъ путемъ индивидуальный религіозный подвигъ русскихъ отшельниковъ превращался въ большое народно-хозяйственное и культурно-общественное дѣло: сначала отъ свѣтскаго общества отдѣлялась какая-то свѣтящаяся точка и временно скрывалась во мракѣ непроходимыхъ сѣверно-русскихъ лѣсовъ. Этотъ свѣтящійся во мракѣ огонекъ духовнаго подвижничества привлекалъ къ себѣ другихъ отшельниковъ, жаждущихъ религіознаго подвига, и общее религіозно-воодушевленіе рождало пустынный монастырь—мѣсто молитвы, поста и непрерывнаго служенія Богу. Потомъ эта оторвавшаяся отъ міра частица общенароднаго религіознаго духа снова обрастала плотью мірскихъ нуждъ и интересовъ и такимъ образомъ, не прекращая служенія Богу, снова возвращалась на грѣшную землю для участія въ обще-народныхъ трудахъ, нуждахъ и заботахъ, и въ государственномъ служеніи.

Монастырскія земли первоначально освобождавшіяся отъ государственнаго тягла (т. е. отъ платежа податей и исполненія повинностей), уже въ XVI в. привлекаются къ этому тяглу, а въ XVII в. на нихъ тягло падало еще въ

большемъ размѣрѣ, чѣмъ на земли свѣтскихъ владѣльцевъ. Уплатившая государству установленныя подати, монастыри давали также со своихъ имѣній на военные нужды такъ называемыхъ „даточныхъ людей“. Въ трудныя времена военныхъ опасностей и чрезвычайнаго военно - финансоваго напряженія Московскаго государства, когда правительству не хватало средствъ на покрытіе военныхъ расходовъ, ему приходила на помощь богатая монастырская казна, откуда тысячи и тысячи рублей текли на „кормъ“ и на жалованіе ратнымъ людямъ. Изъ казны Троице - Сергіева монастыря въ началѣ XVII вѣка было взято правительствомъ на ратныя нужды свыше 65.000 рублей, сумма по тому времени огромная! Соловецкій монастырь въ царствованіе Алексѣя Михайловича (1645 - 1676 гг.) выслалъ въ Москву на жалованье ратнымъ людямъ 41.414 рублей и 200 золотыхъ. Тихвинскій монастырь получилъ въ 1655 г., во время тяжелой борьбы съ Польшей за Малороссію, слѣдующее повелѣніе: „Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя Россіи самодержца, въ Тихвинъ монастырь архимандриту Іосифу съ братьею. Вѣдомо намъ учинилось, что у васъ въ монастырѣ есть деньги многіе, и мы указали взяти изъ монастыря на жалованье нашимъ ратнымъ людямъ денегъ 10.000 рублей“...

Но этой финансовой помощью государству не исчерпывалась роль монастырей во времена внѣшнихъ опасностей. Нѣкоторые монастыри, защищенные солидными стѣнами и башнями, играли роль военныхъ крѣпостей, подвергались осадѣ непріятельскихъ войскъ и съ успѣхомъ отражали ихъ нападенія. Соловецкій монастырь долгое время былъ на сѣверѣ оплотомъ русской государственности, первоклассной крѣпостью, гарнизонъ которой (содержимый на монастырскія средства) защищалъ русское Поморье отъ нападеній враждебныхъ сосѣдей (шведовъ, норвежцевъ, кореловъ). Славная обитель Троице - Сергіева въ смутное время съ успѣхомъ выдержала осаду польско - литовско - „воровскихъ“ войскъ и этимъ успѣхомъ подняла падавшій духъ русскаго народа. Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь въ 1612 - 13 г. выдержалъ осаду литовцевъ. Тихвинскій мона-

стырь выдержалъ въ 1613 г. трехмѣсячную осаду шведскаго войска и въ 1614 г. снова отразилъ нападѣніе шведовъ.

Въ годы общественно - стихійныхъ бѣдствій, въ „гладныя времена“ неурожаевъ, крупныя и богатые монастыри — Троице - Сергіевъ, Кирилловъ - Бѣлозерскій, Пафнутьевъ - Боровскій, Іосифовъ - Волоколамскій — приходили на помощь множеству голоднаго народа, открывая для пропитанія голодающихъ свои обильныя житницы.

Въ концѣ XV в. тяжелый неурожай постигъ Бѣлозерскую область, и на помощь голодающему населенію пришелъ Кирилловъ монастырь: ...„гладь велій тогда въ людехъ, иже въ окрестныхъ монастыря живущи бяху, и начаша приходити въ монастырь глада ради хлѣбнаго и вси ходящи и каждо ихъ насытився отхожаху... Бяху же ядущихъ въ монастырѣ томъ на всякъ день шесть сотъ душъ или множае и тако сіа быша даже и до новаго хлѣба“... — „Обильными поступленіями въ монастырь въ обычное спокойное время онъ былъ обязанъ обществу и правительству. Но во время общественныхъ и государственныхъ несчастій наоборотъ тѣмъ, что было получено и собрано монастыремъ, онъ поступался въ пользу общества и государства“, говоритъ историкъ Кирилло - Бѣлозерскаго монастыря Н. Никольскій.

Выручая государство и общество въ трудныя минуты военныхъ опасностей и стихійныхъ бѣдствій, древне - русскіе монастыри и въ нормальное время были для отдѣльныхъ лицъ страховымъ учрежденіемъ на разные случаи жизни. Крестьянинъ - земледѣлецъ, въ случаѣ неурожая или падежа скота получалъ въ монастырѣ ссуду (процентную или безпроцентную)¹⁾. Служилые люди, одряхлѣвшіе или

1) Христіанская церковь принципиально относилась отрицательно къ лихонству или „рѣзоиманію“, т. е. взиманію лихвы или ссудныхъ процентовъ. Древнія поученія русскихъ епископовъ священникамъ запрещали принимать приношенія въ церковь Божію м. пр. отъ „рѣзоимцевъ“ (такъ же какъ отъ „татій“ и грабителей). Въ поученіи митрополита Фотія псковскому духовенству (1416 г.) читаемъ: „возбраняма суть божественными правилами отлученная рѣзоиманія“; митрополитъ, основываясь на соответствен-

изувѣченные на государевой службѣ, и „вкладчики“ изъ всѣхъ слоевъ населенія находили въ монастырѣ покой и „прекормленіе“ (въ древне - русскихъ монастыряхъ такимъ образомъ жили не только чернецы, но и „бѣльцы“, т. е. свѣтскіе люди). Особенно существенную и постоянную поддержку находила въ монастыряхъ многочисленная въ древней Руси масса нищихъ и странниковъ. „Церковное богатство — нищихъ богатство“ — утверждала древнерусская поговорка. Монастыри постоянно устраивали для нищихъ „кормы“ и надѣляли ихъ милостынею. При многихъ монастыряхъ были устроены больницы, богадѣльни и „страннопріимницы“, въ которыхъ убогіе больные, безпріютные и пришельцы находили для себя пріютъ и прокормленіе. Напримѣръ, въ 1601 году по описи Кириллова монастыря было „въ монастырѣ въ больницахъ нищихъ 90 человекъ, да въ богадѣльнѣ 12 человекъ, и обоего 102 человекъ“ (монашествующихъ въ это время было около 150 человекъ).

Помимо всѣхъ этихъ услугъ, которыя оказывалъ монастырь древне - русскому обществу, велика была и общая національно - культурная роль древне - русскихъ монастырей. Въ нихъ воспитывались и изъ нихъ выходили всѣ русскіе іерархи (поставлявшіеся изъ состава чернаго духовенства, обычно изъ архимандритовъ и игуменовъ), изъ коихъ многіе стали выдающимися дѣятелями и служителями

ныхъ греческихъ поученійхъ, сопоставляетъ доходъ „земледѣлателя“ съ доходомъ заимодавца, который „безъ земли сѣетъ и жнетъ не сѣявши“, и считаетъ лихву доходомъ противоестественнымъ и предосудительнымъ. —Т. наз. „Стоглавый соборъ“ 1550 г. вынесъ по вопросу о раздачѣ „денегъ въ ростъ и хлѣба въ наспы“ слѣдующее постановленіе: „И о томъ божественное писаніе и священныя правила не токмо епископомъ, и презвитеромъ, и діаконъ, но и всему священническому чину возбраняютъ, но и простымъ не повелѣваютъ рѣзоимство и лихву истязати (т. е. требовать). Того ради отнынѣ по священнымъ правиламъ святителемъ и всѣмъ монастыремъ деньги давати по своимъ селомъ своимъ хрестіаномъ безъ росту и хлѣбъ безъ наспу того для, чтобы за ними хрестіане жили, и села бы ихъ были не пусты“...

русской культуры и русской государственности. Далѣе, монастыри были исходными пунктами миссіонерско-проповѣднической дѣятельности среди инородческаго и иновѣрческаго населенія Русской равнины, а распространеніе христіанства среди этого населенія вводило его въ обще-русское культурное единство (изъ дѣятелей этого порядка должно упомянуть св. Стефана, перваго епископа Пермскаго, просвѣтителя зырянъ, скончавшагося въ 1396 г., и св. Гурія, перваго архіепископа Казанскаго, насадителя православія въ предѣлахъ бывшаго Казанскаго царства, который скончался въ 1563 г.) Наконецъ почти вся древне-русская письменность и просвѣщеніе сосредоточивались въ монастыряхъ. Съ одной стороны, кругъ грамотныхъ или „книжныхъ“ людей въ древней Руси почти только и ограничивался духовенствомъ и монашествомъ, а съ другой стороны никто кромѣ монаховъ не имѣлъ столько досуга и столько усердія для чтенія, переписки и составленія книгъ, что считалось въ древней Руси дѣломъ „душеполезнымъ“ и богоугоднымъ. „Первыми монастырями, которые начали заботиться о заведеніи настоящихъ библіотекъ четкихъ книгъ были монастыри преп. Сергія Радонежскаго и преп. Кирилла Бѣлозерскаго“ (Голубинскій), а за ними начали составлять собранія книгъ и рукописей и другіе монастыри сѣверо-восточной Руси.

Въ библіотекѣ Троице - Сергіева монастыря, по описи 1641 года, числилось до 700 рукописей. Въ монастыряхъ составлялись и переписывались не только произведенія спеціально церковной „учительной“ литературы, какъ житія святыхъ (любимый предметъ чтенія древне-русскихъ грамотныхъ людей), проповѣди, пастырскія посланія, полемическія сочиненія противъ еретиковъ и иновѣрцевъ, но также и сочиненія, имѣвшія огромное національное и культурное значеніе, именно лѣтописи и лѣтописные своды, составляющіе основу нашего историческаго познанія о древнемъ періодѣ родной исторіи. Кромѣ лѣтописей древне-русскіе „книжники“ — монахи составляли отдѣльныя сказанія о достопамятныхъ историческихъ событіяхъ, какъ напр. знаменитое сказаніе келаря Троице - Сергіева монастыря Авра-

амія Палицина объ осадѣ монастыря Сапѣгою и Лисовскимъ и о событіяхъ смутнаго времени вообще.

При такомъ соединеніи многообразныхъ функцій, когда монастырь былъ и мѣстомъ спасенія души путемъ молитвеннаго и трудового подвига, и мѣстомъ молитвы за живыхъ и умершихъ, и хозяйственно - финансовымъ центромъ для окрестнаго населенія, и мѣстомъ „покоя и препитанія“ для вкладчиковъ, уходившихъ подъ священную сѣнь монастыря отъ суеты и тревоги житейской, и мѣстомъ благотворительной помощи нищимъ и „убогимъ“, — неудивительно, что всѣ слои и разряды русскаго общества съ такимъ усердіемъ и любовью трудились надъ созданіемъ и „благоукрашеніемъ“ святыхъ обителей. Иногда бывали случаи, что монастырь строился по инициативѣ и при содѣйствіи цѣлаго общества, городского или сельскаго, ощущавшаго въ немъ настоятельную потребность. Въ 1580 году „земскіе люди“ Вятской земли обратились къ царю Ивану Васильевичу съ челобитною, на которую изъ Москвы былъ посланъ приводимый ниже отвѣтъ: „Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси, на Вятку, въ городъ Хлыновъ, выборнымъ судьямъ .. и старостамъ и цѣловальникамъ и всѣмъ земскимъ людямъ. Прислали естя къ намъ отъ всей земли челобитную, а въ челобитной написано, что Вятскіе города отъ Московскихъ городовъ удалѣли, а нашего деи богомолья мнишескаго монастыря у васъ во всей Вятской землѣ нѣтъ... и намъ бы вамъ велѣти мнихомъ монастырь устроити на Вяткѣ, въ Хлыновѣ, Успенья Пречистой, а излюбиле естя въ строители Пыскорскаго монастыря постриженника старца Трифона, и землицы бы намъ къ монастырю велѣти дати... — И мы старцу Трифону велѣли въ Хлыновѣ Успенья Пречистой мнихомъ монастырь строити и священниковъ призвати, а земли есмя къ Успенью Пречистой велѣли дати въ Хлыновѣ подъ городомъ пустошь“... — Въ благословенной грамотѣ патріарха Іова объ устроеніи Богоявленскаго монастыря въ городѣ Слободскомъ Вятской области (1599 г.) читаемъ: „Били намъ челомъ съ Вятки Слободскаго города земской староста... и во всѣхъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ мѣ-

сто, а сказали: на Вяткѣ - де въ Слободскомъ городѣ монастыря не бывало искони вѣчно, и многіе - де посадскіе чюди и волостные крестьяне во ангельскій чинъ постричися желаютъ и имъ - деи постричися негдѣ; а которые - де люди напередъ сего постриглися, и они - деи волочатся безъ пристрою межъ дворъ... и они - деи нынѣ городомъ Слободскимъ посадомъ и уѣздомъ въ городѣ въ Слободскомъ... воздвигнули храмъ Богоявленія... и приговорили къ тому храму служити чернаго попа Юсафа Казанца, и подъ келейшу-деи ему мѣсто дали... — и язъ Іевъ патріархъ... пожаловалъ, благословилъ велѣлъ у нихъ впредь въ томъ Богоявленскомъ монастырѣ быти тому черному попу Юсафу, велѣли есми ему тотъ... монастырь стропть и братію собирати, желаемыхъ постригать“...

Обращаясь теперь къ вопросу о взаимоотношеніяхъ между церковью и государствомъ въ московскій періодъ русской исторіи, мы видимъ, что между ними существуетъ тѣсное идейное и политическое сотрудничество. Церковные іерархи и монастырскіе „книжники“ поддерживаютъ и развиваютъ ученіе о божественномъ происхожденіи верховной свѣтской власти, учатъ о высокомъ назначеніи государя, какъ охранителя правовѣрія, права, справедливости и порядка въ государствѣ, требуютъ отъ него соблюденія правды и правосудія въ правительственной дѣятельности и указываютъ ему на его отвѣтственность передъ Богомъ за ввѣренное его попеченію „словесное стадо овецъ Христовыхъ“ или за „люди порученные ему Богомъ“. На рубежѣ XV и XVI вв. русское духовенство, въ лицѣ старца псковскаго Елеазаровскаго монастыря Филофея, выдвигаетъ возвышенное національно - патріотическое ученіе о Москвѣ, какъ о третьемъ и вѣчномъ Римѣ. Послѣ паденія православныхъ царствъ на балканскомъ полуостровѣ — Болгарскаго и Сербскаго, а затѣмъ и Византіи, московскій государь сталъ единственнымъ православнымъ монархомъ въ мірѣ. И вотъ старецъ Филофей писалъ въ своемъ посланіи къ Василию III - му: „Да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко

вся царства православныя христіанской вѣры снисдошася въ твое едино царство; единъ ты во всей поднебесной христіанамъ царь“. Русь отнынѣ стала, по взгляду Филофея, міровой носительницей и защитницей православной вѣры, и русскій государь единственнымъ вождемъ и покровителемъ православнаго народа. Послѣ паденія двухъ Римовъ (Византія считается вторымъ Римомъ) Москва стала третьимъ Римомъ, будетъ неизбежно стоять до конца міра („а четвертому Риму не быти“), если только она неотступно и неуклонно будетъ хранить святую православную вѣру.

— При вѣнчаніи на царство новаго государя высшій іерархъ русскій митрополитъ, а съ конца XVI вѣка патріархъ — въ своемъ поученіи говорилъ царю: „Сохрани вѣру христіанскую, греческаго закона, чисту и непоколебиму, ... люби правду и милость и судъ правый“; „всѣхъ же православныхъ христіанъ блюди и жалуй и попеченіе о нихъ имѣй отъ всего сердца; за обидимыхъ же стой царскы и мужескы и не давай обидѣти не по суду и не по правдѣ“...

Единеніе православной іерархіи съ свѣтской властью не ограничивается областью идейной, но осуществляется въ политической практикѣ. Епископы и игумены попрежнему являются совѣтниками князей, вполнѣдствіи царей московскихъ. Великій князь, затѣмъ царь постоянно „совѣтуетъ“ о важныхъ государственныхъ дѣлахъ съ „отцемъ своимъ митрополитомъ“, потомъ патріархомъ. Участіе духовенства въ государственныхъ дѣлахъ получаетъ даже свое оформленіе въ лицѣ такъ наз. „освященнаго собора“ (собранія высшаго духовенства) Освященный соборъ въ XVI - XVII вв. является непремѣнной составной частью земскихъ соборовъ. Въ теченіи всего XVII вѣка патріархъ и освященный соборъ принимаютъ постоянное участіе въ управленіи и законодательствѣ Московскаго государства.

Кромѣ права совѣта, православнымъ іерархамъ принадлежало еще право „печалованія“, т. е. заступничества предъ государями за лицъ, несправедливо подвергавшихся преслѣдованіямъ или наказаніямъ.

Въ періодъ возвышенія власти московскихъ государей

(въ XV - XVI вв.) московскіе іерархи всячески поддерживаютъ и укрѣпляютъ авторитетъ Московскаго государя, который долженъ быть „вся Русскія земли государемъ государь“. Ему должны покориться и удѣльные князья и вольныя народоправства (Новгородъ, Вятка, Псковъ). Въ 1471 г. въ періодъ остраго конфликта Новгорода съ Иваномъ III митрополитъ Филиппъ (I) обратился къ новгородцамъ съ посланіемъ, въ которомъ предостерегалъ ихъ противъ отступленія отъ православія къ „латынству“ и убѣждалъ ихъ покориться великому князю: „И вы, сынове, емуже Богомъ покорены есте, подъ крѣпкою рукою благовѣрнаго и благочестиваго государя великаго князя Ивана Василевича всея Руси, вашего отчича и дѣдича“. Съ другой стороны, когда великій князь „въсполѣлся“ на новгородцевъ и „на конь всѣлъ, хотячи ихъ добрѣ показнити“, митрополитъ обратился и къ великому князю съ посланіемъ, въ которомъ убѣждалъ его помиловать новгородцевъ, если они принесутъ повинную: „.челомъ бью твоему великому блгородію, чтобы еси, господине, пожаловалъ, смиловался надъ нимъ. . не презрѣлъ сего нашего къ тебѣ моленія и челобитья, гнѣва бы своего утолилъ еси, а ихъ челобитья пожаловалъ еси приять, а меча бы еси своего поудержалъ, чтобы ся въ твоей земли многое крови христіанскыя не пролило промежду твоихъ людей“...

Помогая русскимъ государямъ въ управленіи государствомъ, іерархи православной церкви не превращались однако, въ безличное и безгласное орудіе. Когда они видѣли, что государь уклоняется отъ исполненія своего долга, что онъ нарушаетъ интересы своего народа или небрежетъ о нуждахъ государственныхъ, они перѣдко выступали противъ государя съ укоризненнымъ и гнѣвнымъ словомъ обличенія, призывая его къ исполненію своего долга и угрожая гнѣвомъ Царя небеснаго. Въ этомъ отношеніи особенно ярки два историческихъ выступленія — архіепископа Вассіана Ростовскаго въ эпоху паденія татарскаго ига и митрополита Филиппа въ эпоху опричнины.

Въ 1480 году, на русскую землю двинулся съ огромнымъ войскомъ татарскій царь Ахматъ, которому великій

князь Иванъ III Васильевичъ отказался заплатить установленную дань. Великій князь съ своей стороны, собралъ большое войско и, получивъ благословеніе на брань отъ митрополита и всего „боголюбиваго собора“, выступилъ противъ татаръ. Оба войска остановились одно противъ друго на разныхъ берегахъ рѣки Угры, и никто не рѣшался начинать бой, боясь силы противника. Послѣ продолжительнаго стоянія на мѣстѣ великій князь, слушая „злыхъ совѣтниковъ“ сталъ склоняться къ мысли объ отступленіи. Митрополитъ и духовенство послали ему соборное посланіе, въ которомъ увѣщевали его мужественно и безбоязненно выступить противъ татаръ, чтобы освободить свое отечество отъ тягостнаго и позорнаго татарскаго ига. Но великій князь по прежнему не рѣшался на бой и думалъ объ отступленіи. . . Тогда выступилъ престарѣлый архіепископъ Ростовскій и Ярославскій Вассіанъ, который написалъ великому князю на Угру длинное и горячее посланіе полное пламенной вѣры, горячаго патріотизма и національной гордости. Обращаясь къ государю, владыка желаетъ „глаголати твоему величеству твоего ради спасенія: наше убо, государю великій, еже воспоминати, ваше же еже послушати“. . . Владыка напоминаетъ государю его обѣщаніе „крѣпко стояти за благочестивую нашу православную вѣру и боронити свое отечество отъ бесерменства“ и горячо убѣждаетъ его не слушать злыхъ совѣтниковъ, которые „совѣщаютъ ти не противитися супостатамъ, но отступити и предати на расхищеніе волкамъ словесное стадо Христовыхъ овецъ“. . . — „Не отъ твоихъ ли рукъ тѣхъ кровь взыщеть Богъ“. . .? — гнѣвно спрашиваетъ владыка, — „гдѣ убо хочещи избѣжати или воцаритися, погубь врученное ти отъ Бога стадо“. . . Не послушай убо, государю, таковыхъ, хотящихъ твою честь въ безчестіе и твою славу въ безславіе преложити, и бѣгуну явитися и предателю христіанскому именоватися; но отложи весь страхъ и возмогай о Господѣ въ державѣ и крѣпости“. . . Владыка призываетъ великаго князя „поревновать“ своимъ „прародителямъ“, напоминая ему военные подвиги великихъ князей кіевскихъ (Святослава, Владимира Святого, и Владимира

Мономаха) и великаго князя Дмитрія Ивановича, побѣдителя Мамая. Онъ призываетъ великаго князя идти на Ахмата „не яко на царя, но яко на разбойника, хищника и боготорца“... „И се убо который пророкъ пророчествова, или апостоль который или святитель научи сему богостудному и скверненому самому называющуся царю повиноватися тебѣ, великому Руськихъ странъ хрестіанскому царю“?... Призывая великаго князя съ христіанскимъ вопиствомъ мужественно вступить въ бой за вѣру и отечество, владыка общаетъ ему побѣду, а павшимъ въ бою награду небеснаго блаженства. -- Однако великій князь какъ повѣствуетъ лѣтописецъ „не послушая того писанія владычня Вассіанова, но совѣтниковъ своихъ слушаше“...; повиновясь ихъ злымъ совѣтамъ, онъ „оставя всю силу у Оки на березѣ... и побѣжа на Москву“. Народъ, увидя великаго князя, покинувшаго армію, встрѣтилъ его ропотомъ, и здѣсь выразителемъ народнаго недовольства и обличителемъ недостойнаго поведенія великаго князя выступилъ тотъ же епископъ Вассіанъ. „Пріѣхъ же князь великій во градъ Москву и срѣте его митрополить, а съ нимъ владыка Вассіанъ Ростовскій. Начъ же владыка Вассіанъ зѣ глаголати князю великому, бѣгуномъ его называя, сиче глаголюше: „вся кровь на тебѣ падеть хрестіанская, что ты выдавъ ихъ бѣжишь прочь, а бою не поставя съ татары и не бився съ ними; а чему боишися смерти? Не безсмертенъ еси человекъ, смертенъ; а безъ року смерти нѣту ни человеку, ни птицѣ, ни звѣрю; а дай сѣмо вои въ руку мою, коли азъ старый утулю лице противъ татаръ“; — и много сиче глаголаше ему, а гражане роптаху на великаго князя“.-- Передъ нами прямо библейская картина! Преисполненный священнымъ гнѣвомъ старецъ іерархъ, передъ народной массой и во главѣ ея, обвиняетъ государя въ неисполненіи имъ своего патріотическаго долга нанося ему укоризны и прямыя оскорбленія, и вызывается самъ стать во главѣ войска, чтобы вести его въ бой противъ враговъ! — Великій князь прожилъ около двухъ недѣль подъ Москвой — „а владыка глаголаше ему возвратитися опять къ берегу, и едва умоленъ бысть возвратися“... Между

тѣмъ наступила уже глубокая осень, и татарская сила отступила отъ русскихъ предѣловъ „бяху бо татарове наги и босы, ободралися“, поясняетъ лѣтописецъ. Царь Ахмать вскорѣ былъ убитъ въ Ордѣ, и грозное и страшное татарское иго, два съ половиной вѣка тяготѣвшее надъ русскимъ народомъ, наконецъ, рухнуло! Какъ видимъ не малую заслугу въ этомъ нужно приписать русскому духовенству, ибо безъ его вмѣшательства было возможно пагубное отступление русскихъ войскъ и, вмѣсто освобожденія, Россію ожидалъ въ такомъ случаѣ новый страшный погромъ отъ многочисленныхъ и озлобленныхъ татарскихъ почищъ!

— „Безпристрастная исторія никогда не забудеть,—пишетъ историкъ Русской Церкви митрополитъ Макарій — что въ дѣлѣ окончательнаго освобожденія Россіи изъ-подъ ига татарскаго русское духовенство принимало самое горячее и благодѣтельное участіе.

Изъ іерарховъ XVI вѣка, современниковъ царя Ивана Васильевича Грознаго, нужно сказать о двухъ: сотрудникѣ и соучастникѣ первой славной половины царствованія царя Ивана — митрополитѣ Макаріи (1542 - 1563) и обличителѣ его паденія въ мрачную пору опричнины — митрополитѣ Филиппѣ (1566 - 1568). Митрополитъ Макарій былъ неизмѣннымъ сотрудникомъ и совѣтникомъ царя Ивана Васильевича въ первую свѣтлую, половину его царствованія. Вмѣстѣ съ царемъ онъ старался установить порядокъ и правосудіе на Руси, какъ въ области общегосударственнаго управленія, такъ и въ сферѣ церковной жизни (постановленія „Стоглава“). Онъ благословилъ царя двинуться на завоеваніе Казанскаго царства и поддерживалъ его бодрость и крѣпость во время похода своими напутственными молитвами и своими посланіями. „Тебѣ благочестивому царю Ивану, — писалъ митрополитъ, — со всѣмъ своимъ христіанскимъ воинствомъ, добръ и храбрски и мужески подобаетъ подвизатися, съ Божіею помощію, за святыхъ Божіихъ церкви и за всѣхъ православныхъ христіанъ“, — „противъ сѣюстатъ твоихъ, безбожныхъ казанскихъ татаръ, твоихъ измѣнниковъ и отступниковъ, иже всегда проливающихъ кровь христіанскую и оскверняющихъ и разоряющихъ свя-

тыя церкви“. — По завоеваніи Казанскаго царства, въ Казань былъ посланъ (въ 1555 г.) первый архіепископъ Казанскій и Свѣжскій Гурій, которому передъ отправленіемъ въ новую епархію дана была „память“ (или наказъ) о томъ, какъ ему надлежитъ дѣйствовать въ ново-завоеванномъ краю; наказомъ этимъ категорически запрещалось распространіе среди покоренныхъ татаръ христіанства мѣрами принужденія и насилія; архіепископъ долженъ былъ „кротостію съ ними говорити и приводити ихъ къ христіанскому закону, и разговаривая съ ними тихо со умиленіемъ, а жестостію съ ними не говорити“; „и всякими обычаями, какъ возможно, такъ архіепископу татаръ къ себѣ пріучати и приводити ихъ любовью на крещенье, а страхомъ ихъ ко крещенію никакъ не приводити“.

Весьма важное значеніе имѣла дѣятельность митрополита Макарія (передъ тѣмъ архіепископа Новгородскаго) въ области русскаго церковнаго просвѣщенія и въ исторіи русскаго церковнаго просвѣщенія вообще. Его усиліями и подъ его руководствомъ въ теченіи 23 лѣтъ (1529 - 1552 гг.) былъ совершенъ огромный трудъ составленія такъ называемыхъ Четвухъ - Миней, въ которыхъ были собраны произведенія всѣхъ отдѣловъ старой церковной литературы; книги св. писанія и толкованія на нихъ; жпгія святыхъ (частью вновь составленныя для этого сборника); творенія отцовъ церкви; разныя сочиненія по церковнымъ вопросамъ и христіанскому нравоученію; путевыя записки, монастырскіе уставы, грамоты, Кормчая книга (собраніе церковныхъ законовъ); посланія русскихъ князей, митрополитовъ, епископовъ и т. д. „Трудъ Макарія имѣетъ великое значеніе для исторіи русскаго церковнаго просвѣщенія, такъ какъ многія замѣчательныя произведенія старой русскаго письменности сохранились только въ этомъ изданіи, и въ Четвухъ-Минейхъ передъ нами является почти весь запасъ стараго русскаго церковнаго просвѣщенія, весь горизонтъ тогдашняго мышленія“ (А. Пыпинъ). Тотъ же митрополитъ Макарій имѣетъ немалыя заслуги и передъ наукой русскаго исторіи, ибо онъ явился инициаторомъ составленія двухъ огромныхъ лѣтописныхъ „сводовъ“, т. е. „Степенной книги“ и „Никоновской лѣтописи“.

По смерти митрополита Макарія и первой своей супруги царицы Анастасіи, царь Иванъ Васильевичъ, какъ извѣстно, сталъ жестокимъ тираномъ, проливавшимъ со своими „опричниками“ потоки неповинной крови. И въ это тяжелое и мрачное время „опричнины“, православная церковь выдвинула изъ своихъ рядовъ великаго святителя, гнѣвнымъ словомъ обличившаго жестокаго и нечестиваго властителя и пріавшаго за то вѣнецъ мученической. Это былъ Филиппъ Колычевъ, передъ поставленіемъ въ митрополиты бывший игуменомъ Соловецкаго монастыря; строгій аскетъ и подвижникъ, онъ въ должности соловецкаго игумена обнаружилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдающіеся таланты хозяина и администратора. Занявъ въ 1566 г., по просьбѣ царя и собора духовенства, престолъ митрополита Московскаго „и всея Руси“, онъ съ неодобреніемъ относился къ учрежденной царемъ „опричнинѣ“ и не могъ равнодушно смотрѣть на совершаемыя грознымъ царемъ и его опричниками жестокости и злодѣянія. Сначала въ тайныхъ увѣщаніяхъ, а потомъ, когда они остались безплодными, въ публичныхъ обличеніяхъ въ церкви во время богослуженія мужественный святитель укорялъ царя въ пролитіи крови неповинной и требовалъ отъ него прекращенія свирѣпаго террора, угрожая ему гнѣвомъ Божиимъ. Разгнѣванный царь, устроивъ комедію суда надъ обличителемъ, свергъ его съ митрополичьяго престола (8 ноября 1568 г.), а черезъ годъ мужественный защитникъ правды былъ задупенъ однимъ изъ опричниковъ. Въ XVII вѣкѣ православная церковь причислила его къ лику святыхъ 1).

1) Въ 1652 году царь Алексѣй Михайловичъ съ особымъ посольствомъ, посланнымъ въ Соловецкій монастырь для перевезенія въ Москву мощей св. митрополита Филиппа, послалъ трогательное молебное посланіе къ великому святителю: „Молю тя и приидти тебѣ желаю сѣмо, еже разрѣшити согрѣшеніе прадѣда нашего царя и великаго князя Іоанна, нанесенное на тя неравсудно завистию и неудержаніемъ ярости... — ...тя молю о семъ, о священная главо и честь моего Царства! Твоимъ преклоняю честнымъ мощемъ и повиную къ твоему моленію всю мою власть, да пришедъ простиши, иже ты оскор-

Въ 1589 году, въ царствованіе кроткаго и благочестиваго царя Феодора Ивановича, въ Москвѣ былъ поставленъ особый для русской церкви патріархъ — „Московский и всея Россіи“ (первымъ патріархомъ былъ Іовъ), и русская церковь сдѣлалась по сану своего главы равною православнымъ церквамъ восточнымъ (въ томъ числѣ Константинопольской).

Въ тяжкое лихолѣтіе смутнаго времени (1604 - 1613 гг.), когда Россія горѣла въ огнѣ внутренней войны и подвергалась нашествіямъ внѣшнихъ враговъ, церковь православная особенно въ лицѣ подвижниковъ Троице - Сергіевой Лавры и знаменитаго Московскаго патріарха Гермогена (Ермогена), снова оказала отечеству великія услуги. Патріархъ Гермогенъ (1606 - 1612) въ смутное время, по выраженію одного изъ современныхъ сказаній, „яко столпъ, непоколебимо стоитъ посреди нашихъ великихъ земли“. Прямой, рѣшительный и непреклонный, онъ обличаетъ русскихъ „воровъ“ и призываетъ русскихъ людей къ защитѣ отъ натиска католическаго польско - литовскаго Запада; укоряя русскихъ людей за ихъ „шатость“ и междоусобіе, патріархъ взываетъ къ нимъ: „Видите бо отечество свое чуждыми расхищаемо и разоряемо, и святыя иконы и церкви обругаемы, и неповинныхъ кровь проливаема, еже вопіетъ къ Богу, яко праведнаго Авеля, прося отмщенія; вспомните, на кого воздвизаете оружіе, ... не на своихъ ли единоплеменныхъ братію? не свое ли отечество разоряете?“... Патріархъ враждебно относится къ полякамъ, впущеннымъ въ Москву послѣ избранія въ московскіе цари королевича Владислава, и отказывается дать свою подпись на боярской грамотѣ съ приказаніемъ русскимъ воеводамъ сдать польскому королю Сигизмунду осаждаемый имъ Смоленскъ. Изъ Москвы онъ разсылалъ по городамъ грамоты съ увѣщаніями стоять за православную вѣру; когда къ Москвѣ

би понапраснству... — О священная главо, святый владыко Филиппе, пастырю нашъ! молимъ тя, не презри нашего грѣшнаго моленія, пріиди къ намъ съ миромъ“...

приближалось Ляпуновское ополчение, поляки и державшие их сторону бояре потребовали от патриарха, под угрозой смерти, чтобы он приказал ополчению разойтись; он решительно отказался и был подвергнут тяжелому заключению в Чудовомъ монастырѣ; когда до Москвы дошли вѣсти о подготовкѣ новаго ополченія (Минина и Пожарскаго), поляки и бояре потребовали, чтобы патриархъ призвалъ нижегородцевъ къ подчиненію Владиславу, на что святи-тель отвѣтилъ: „Да будетъ надъ ними милость отъ Бога и благословеніе отъ нашего смиренія! А на измѣнниковъ да изліется гнѣвъ Божій и да будутъ они прокляты въ семь вѣкъ и въ будущемъ“. Тогда его, по разсказу современниковъ, уморили голодной смертью; доблестный страдалецъ за Русскую землю скончался 17 февраля 1612 года, за восемь мѣсяцевъ до освобожденія Москвы патриотическимъ ополченіемъ...

Обитель св. Сергія въ смутное время оказалась великой духовной и военной крѣпостью, о стѣны которой разбились и прямыя нападенія и льстивые соблазны враговъ. Съ сентября 1608 года до января 1610 года Троицкій монастырь, отказавшійся признать власть „Тушинскаго вора“ подвергался осадѣ многочисленной арміи, на вербованной Сапѣгою и Лисовскимъ изъ поляковъ и литовцевъ, къ которымъ примкнуло много русскихъ „воровъ“; силы осаждавшихъ во много разъ превышали малочисленный гарнизонъ крѣпости, которому усердно помогало все мирное населеніе, укрывшееся въ монастырѣ; ни длительная осада, ни предложенія сдать на льготныхъ условіяхъ (съ угрозой поголовнаго истребленія въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія), ни отчаянные приступы, — ничто не могло сломить мужества защитниковъ дома св. Троицы и св. Сергія; въ борьбѣ участвовали не только монашествующіе, но даже женщины, укрывшіяся въ монастырѣ вмѣстѣ со своими мужьями; во время ожесточенныхъ непріятельскихъ приступовъ „Троицкое же воинство и вси православніи христіане, мужи и жены, бьющіяся со враги черезъ всю ночь безпрестанно, яко и на прежнихъ приступѣхъ“, — повѣствуетъ сказаніе объ осадѣ Лавры. Послѣ 16 - ти мѣсячной осады, посрамленный не-

пріятель снялъ осаду и отступилъ отъ стѣнъ крѣпкой духомъ обители.

Но доблестной защитой монастырской крѣпости не была исчерпана служба Троицкой обители русской землѣ въ тяжелую годину смутнаго времени. Обитель оказывала огромную хозяйственную и благотворительную помощь пострадавшему отъ смуты и разоренному населенію, а вскоре снова выступила на поприще національно - патріотической борьбы. Въ тяжелый 1611 годъ, когда захватившіе Москву поляки и ихъ русскіе приспѣшники (правившіе государствомъ отъ имени польскаго королевича Владислава) стали угрожать національному и церковному бытію Руси, Троицкій архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ начали разсылать изъ монастыря по всѣмъ городамъ пламенные грамоты съ призывами къ русскимъ православнымъ людямъ подняться на защиту вѣры и отечества и освободить отъ враговъ Московское государство (такія же грамоты разсылалъ и славный Кирилловъ - Бѣлозерскій монастырь). Однако собравшееся въ 1611 году такъ называемое первое земское ополченіе, какъ извѣстно, распалось вслѣдствіе несогласія дворянскаго и казачьяго войска, послѣ убійства казаками воеводы Прокопія Ляпунова. Тогда изъ обители св. Сергія снова зазвучалъ призывный голосъ, снова пошли во всѣ города Троицкія грамоты съ призывомъ къ русскимъ людямъ постоять за благочестіе и за отечество. Когда составилось такъ называемое второе земское ополченіе (во главѣ съ кн. Д. М. Пожарскимъ и Кузьмою Мининымъ), тогда Троицкая обитель снова всѣми своими силами, матеріальными и духовными, пришла на помощь русскому христіанскому войнству. вмѣстѣ съ войскомъ Пожарскаго пошелъ къ Москвѣ и Троицкій келарь Авраамій Палицынъ, на долю котораго подъ Москвой выпала важная дипломатическая задача — установить согласіе между земскимъ ополченіемъ кн. Пожарскаго и казацкимъ войскомъ кн. Трубецкаго. Въ результатѣ совмѣстныхъ дѣйствій обоихъ ополченій, осаждавшими былъ взятъ приступомъ Китай - Городъ (22 окт. 1612 г.), затѣмъ палъ Кремль; Москва была освобождена отъ поляковъ и Россія была спасена.

Въ царствованіе перваго царя изъ новой династіи, Михаила Феодоровича Романова, знаменитый патріархъ Филаретъ (1619 - 1633), отецъ государя, былъ главой не только русской церкви, но и официальнымъ соврателемъ своего царственнаго сына; вмѣстѣ съ нимъ онъ носилъ титулъ великаго государя, отъ имени обоихъ посылались правительственные указы; такимъ образомъ на Руси въ это время было формально признанное двоевластіе царя и патріарха, а фактически именно патріархъ въ теченіи 14 лѣтъ руководилъ государственнымъ управленіемъ; энергичная и мудрая государственная дѣятельность патріарха - правителя привела къ укрѣпленію государственной власти и общественнаго порядка, столь сильно расшатанныхъ въ предшествовавшую эпоху смутнаго времени.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича другой знаменитый патріархъ Никонъ (1652 - 1658) также дѣятельно участвовалъ въ управленіи государственнымъ дѣлами, въ области же церковнаго управленія онъ твердою рукою проводилъ исправленіе богослужебныхъ книгъ и обрядовъ отъ вкравшихся въ нихъ въ предшествовавшее время ошибокъ и погрѣшностей (чрезмѣрная суровость Никона въ проведеніи реформы и клятва собора 1666 - 67 г. на защитниковъ старыхъ книгъ и обрядовъ повели къ прискорбному расколу въ русской церкви, который ослабилъ національно - церковную цѣльность и силу русскаго народа).

Во времена величія и славы церкви Московской, православная церковь въ западной Руси переживала времена бѣдственныхъ и унижительныхъ. Со второй половины XV в. въ Кіевѣ, подпавшемъ подъ власть вел. князей Литовскихъ (они же были и королями польскими), поставлялись особые митрополиты, независимые отъ митрополита, а потомъ патріарха Московскаго. Скоро послѣ того, какъ области Кіевская, Волынская и Подольская въ 1569 году перешли подъ власть католической Польши, въ нихъ начались жестокия гоненія на вѣру православную. Въ 1596 году нѣсколько измѣнившихъ православію епископовъ заключили въ городѣ

Брестъ договоръ объ уніи съ католическою церковью, признавши главенство римскаго папы, а также принявши нѣкоторые догматы католической церкви. Съ этихъ поръ гоненія на православіе особенно усилились въ западной Руси. Защитниками православія выступили здѣсь гл. обр. церковныя братства въ городахъ и православные іерархи, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательнъ митрополитъ Кіевскій Петръ Могила (1633 - 1647), ранѣе архимандритъ Кіево - Печерской лавры; онъ основалъ такъ наз. Кіево - Могилянскую коллегію, впослѣдствіи названную академіей и ставшую разсадникомъ духовнаго просвѣщенія для всей Россіи; подъ его руководствомъ было составлено „Православное исповѣданіе вѣры“ и издано множество произведеній духовно - просвѣтительной литературы. Православныя церковныя братства возникаютъ сначала во Львовѣ и Вильнѣ; затѣмъ въ концѣ XVI - го и въ нач. XVII - го в. возникаютъ братства въ Кіевѣ, Луцкѣ, Могилевѣ, Пинскѣ, Брестѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ и въ рядѣ другихъ городовъ Западной Руси. Они учреждаютъ школы и типографіи, издають книги церковныя, учебныя и полемическія—въ защиту православія. Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ устава или „порядка школьнаго“ (1586 г.) братской школы, основанной во Львовѣ при храмѣ Успенія „великою пилностью, старанемъ же и накладомъ всего братства Львовскаго храма Успенія Пресвятыя Богородица и всего посполитаго народа Россійскаго, даже и до убогихъ вдовиць“,—чтобы показать, какимъ духомъ кротости, человѣчности и справедливости было проникнуто это наставленіе братскому школьному „дидаскалу“ т. е. учителю): „...—А дидаскаль, взявши порученное ему дѣтище, маєть его учити съ промысломъ доброй науки, за непослушенство карати не тирански, но учителски, не выше, но по силѣ, не распустне, но покойне и смирене...—Богатый надъ убогимъ въ школѣ ничимъ высшій не мають быти, только самою наукою, плотію же равни вси: всѣ бо есмо о Христѣ братія, главы единой уды... — Учити дидаскаль и любити маєть дѣти вси заровно, якъ сыновъ богатыхъ, такъ и сиротъ убогихъ и которые ходять по улицамъ, живности просячи, якъ кото-

рый ведле силы научитися можетъ, толко не пилнѣй едино-го нѣжли другого учити; писано бо: всякому просящему у тебе дай и хотящему у тебе взяти не возбрани; хощу бо всѣмъ спастися и въ разумъ истинный прійти“.—Учебными предметами западно - русской православной школы были какъ свѣтскіе (обычные въ то время предметы школьнаго преподаванія)—грамматика, реторика, діалектика, „мусика“, такъ и церковные—св. Евангеліе, книги апостольскія и другія церковныя и богослужебныя книги: „Повипень будетъ дидакаль учити и на писмѣ имъ подавати отъ грамматики, реторики, діалектики, мусики... и отъ святаго Евангелія, отъ книгъ апостолскихъ“...—Основавъ свою школу, православные львовскіе мѣщане „тежъ купили друкарню (т. е. типографію) письма словенскаго и греческаго, къ той же школѣ потребную“...

Съ именемъ одного изъ дѣятелей зап. - русской православной церкви во второй половинѣ XVII вѣка Иннокентія Гизеля (архимандрита Кіево - Печерскаго монастыря) связано составленіе и изданіе т. наз. „Синописиса“, перваго связнаго и цѣльнаго построенія русской исторіи, которую онъ излагаетъ отъ Владиміра Святого до царей Алексѣя Михайловича и Федора Алексѣевича. „Синописисъ“ стоитъ на точкѣ зрѣнія единства русскаго народа и русской правящей династіи и усматриваетъ въ Москвѣ законную наслѣдницу и преемницу стараго Кіева, какъ общерусскаго центра.

Изъ выдающихся іерарховъ зап. - русской церкви во второй половинѣ XVII вѣка слѣдуетъ упомянуть еще архіепископа Черниговскаго Лазаря Барановича, знаменитаго проповѣдника своего времени.

Должно замѣтить, что православные зап. - русскіе проповѣдники и писатели XVII вѣка были не только дѣятелями церковными; они служили въ то же время дѣлу національнаго самосознанія и національнаго самосохраненія зап. - русскаго населенія въ его борьбѣ за православную вѣру и русскую народность.

Въ серединѣ XVII вѣка религіозный, національный и социальный гнетъ въ зап. Руси вызвалъ, какъ извѣстно,

возстаніе Богдана Хмельницкаго, которое окончилось присоединеніемъ лѣвобережной Малороссіи и города Кіева къ Московскому государству. При этомъ нужно имѣть въ виду, что рѣшающимъ моментомъ въ успѣхѣ воссоединенія Восточной и Западной Россіи было именно единство религиозное, единство православной „русской вѣры“. Борьба воинствующаго католицизма съ православіемъ „неизбѣжно приводила къ подъему православно - народнаго самосознанія. А такъ какъ православная вѣра давно уже именовалась вѣрою „русскою“ и представлялась органическою частью русской національной стихіи, то защита ея отъ латинства, какъ вѣры „лядской“ совершенно естественно соединилась съ мыслями обо всемъ русскомъ, православно - російскомъ народѣ“ (И. И. Лаппо). Богданъ Хмельницкій, поднимая возстаніе противъ поляковъ и затѣмъ прося Русскаго царя принять Малороссію „подъ свою высокую руку“, мотивировалъ свои дѣйствія преслѣдованіями, которымъ подвергается отъ поляковъ „святая православная христіанская вѣра греческаго закона“. Съ другой стороны, и московскіе „бояре и думные люди“ и всѣ „чины“ московскаго земскаго собора, состоявшагося въ октябрѣ 1653 года, мотивировали свой „приговоръ“ о принятіи гетмана и войска Запорожскаго подъ высокую царскую руку религиознымъ единствомъ Восточной и Западной Россіи и необходимостью отстоять православіе въ Западной Россіи отъ польско - католическихъ гоненій: „...приговорили: чтобъ великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи изволилъ того гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско Запорожское съ городами ихъ и съ землями принять подъ свою государскую высокую руку, для православныхъ христіанскія вѣры и святыхъ Божіихъ церквей, потому что паны рада и вся Рѣчь Посполитая на православную христіанскую вѣру и на святыхъ Божія церкви возстали и хотятъ ихъ искоренити“.—Въ началѣ января 1654 года прибывшій въ Переяславль посолъ бояринъ Василій Васильевичъ Бутурлинъ сообщилъ гетману Богдану Хмельницкому о состоявшемся царскомъ рѣшеніи принять Малороссію въ свое подданство и оказать ей вооруженную помощь: „...и вели-

кій государь нашъ, его царское величество, видя... на православную христіанскую вѣру и на святаго Божія церкви гоненіе, и не хотя того слышать, что вамъ единовѣрнымъ православнымъ христіаномъ въ конечномъ разореніи и церквамъ благочестивымъ въ запусѣннн и въ поруганіи отъ латиновъ быти, подъ свою высокую руку васъ, гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско Запорожское... принять велѣлъ и помощь вамъ на кривоприсяжцевъ и на хотящихъ разорити христіанскую вѣру своими государевыми ратными людьми чинити велѣлъ“. На Переяславской радѣ казачьяго войска, бывшей 8 - го января 1654 года, гетманъ Богданъ Хмельницкій спросилъ казаковъ, кого изъ окрестныхъ государей они хотятъ видѣть „паномъ въ нашей землѣ“ постѣ отказа отъ подданства польскому королю и назвалъ государей Турецкаго, Крымскаго и Московскаго: „Царь Турской есть бусурманъ..., Крымской ханъ тожъ бусурманъ“; „а православный христіанскій великій Царь Восточный есть съ нами единого благочестія, греческаго закона единого исповѣданія, едино есми тѣло церкви съ православіемъ Великія Россіи, главу имуще Иисуса Христа“. На вопросъ гетмана— „къ симъ словамъ весь народъ возопилъ: волимъ подъ Царя Восточнаго православнаго крѣпкаго рукою въ нашей благочестивой вѣрѣ умирати, нежели ненавистнику Христову, поганину достатись“...—Черезъ 20 лѣтъ послѣ Андрусовскаго перемирія съ Польшею, въ 1687 году патріархъ ЮАКИМЪ поставилъ Гедеона, кн. Четвертинскаго, Кіевскимъ митрополитомъ, и такимъ образомъ снова была восстановлена іерархическая связь восточной и западной русской церкви.

Въ теченіе всего XVII - го вѣка кіевскіе и иные западно - русскіе монахи пріѣзжаютъ въ Москву за помощью духовною и матеріальною; изъ Москвы посылаются „милостыня“ западно - русскимъ монастырямъ.—Съ другой стороны, почувствовавъ во второй половинѣ XVII вѣка настоятельную потребность въ дальнѣйшемъ развитіи образованія, какъ церковнаго, такъ и общаго, и не желая обращаться за помощью къ иноземцамъ и иновѣрцамъ, Москва обратилась къ помощи православныхъ зап. - русскихъ ученыхъ.

Въ половинѣ XVII вѣка въ Москву выписали изъ Кіева ученыхъ монаховъ Епифанія Славинецкаго Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго, поручивъ имъ перевести Библію съ греческаго языка на славянскій; кромѣ своего главнаго труда они, по заказамъ московскаго правительства, составляли и переводили разныя образовательныя пособія и энциклопедическіе сборники, географіи, космографіи, лексиконы. Позже былъ вызванъ въ Москву западно - русскій ученый монахъ воспитанникъ Кіевской академіи Симеонъ Полоцкій, ставшій учителемъ царскихъ дѣтей и выдающимся дѣятелемъ въ области литературы и просвѣщенія. Наконецъ, Москва почувствовала потребность въ правильномъ школьномъ богословскомъ образованіи, и въ 1687 году, при патріархѣ Іоакимѣ была учреждена въ Московскомъ Заиконоспасскомъ монастырѣ т. наз. славяно - греко - латинская академія, во главѣ которой стали ученые греки Іоанникій и Софроній Лихуды и которая стала выдающимся разсадникомъ духовнаго просвѣщенія.

Обозрѣвая исторію Русской церкви и Русскаго государства съ конца X - го вѣка, видимъ, что величавый образъ великаго князя Кіевскаго Владиміра, просвѣтителя Руси и основоположника русской культуры, какъ высочайшій свѣтоносный маякъ освѣщаетъ все теченіе русской исторической жизни. Мечъ первыхъ кіевскихъ князей — Олега, Игоря, Святослава — создалъ только тѣло будущаго Русскаго государства, а Владиміръ Святой и Православная Церковь вложили душу въ это тѣло и потому св. Владиміра можно по справедливости почитать духовнымъ отцомъ Русскаго народа и родоначальникомъ національной русской культуры. Слава св. Владиміра; который, по выраженію древняго лѣтописца, землю „взора и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ“, и похвалы великому Просвѣтителю Русской земли немолчно звучатъ начиная отъ похвальнаго слова митрополита Иллариона (1051 - 54 г.) до нашихъ дней. И Восточная и Западная Русь одинаково считали святого Владиміра своимъ духовнымъ отцомъ и небеснымъ покровите-

лемъ и этотъ общій культъ святого Владиміра сослужилъ Русскому народу и Русскому государству великую службу въ эпоху соединенія Восточной и Западной Руси.—Государи Восточной Руси, великіе князья, потомъ цари Московскіе, уже въ XV вѣкѣ считаютъ св. Владиміра, какъ государя „всея Руси“, своимъ „прародителемъ“, а себя — его преемниками; великій князь Владимірскій и Московскій Василій Васильевичъ въ посланіи къ константинопольскому патріарху Митрофану (1441 г.) м. пр. пишетъ: „...прародитель нашъ, святой и равный Апостоломъ, великій князь Владиміръ кievскій и всей Руси“...—Въ „чинахъ“ вѣнчанія на царство московскихъ государей, въ рѣчахъ митрополита или патріарха и въ рѣчахъ ново-вѣнчаемаго царя упоминается о преемствѣ власти русскихъ государей „отъ святого равноапостольнаго самодержца Россійскія земли благовѣрнаго великаго князя Владиміра Кіевскаго“...—Царь Иванъ Грозный, большой „книжникъ“ и знатокъ современной ему литературы, писалъ въ письмѣ къ князю Андрею Михайловичу Курбскому: „...самодержавіе Божіимъ изволеніемъ поченъ отъ великаго князя Владиміра, просвѣтившаго всю Русскую землю святымъ крещеніемъ... даже дойде и до насъ смиренныхъ скипетродержавіе Русскаго царствія“. —Въ утвержденной грамотѣ объ избраніи царемъ Бориса Ѳедоровича Годунова (1598 г.) читаемъ: „...По Святославѣ возсія пресвѣтлая звѣзда великій государь сынъ князь великій Владимиръ Святославичъ, тму невѣрія просвѣти и прелесть кумирслуженія отгна и всю Рускую землю просвѣти святымъ крещеніемъ, иже Равноапостолень наречеса и, расширенія ради своихъ государствъ, самодержавны(й) пмянованъ бысть, нынѣ же отъ всѣхъ покланяемъ и прославляемъ“.

Историческіе писатели XVI - XVII вв., одинаково въ Восточной и въ Западной Россіи, считали св. Владиміра основателемъ обще-Русскаго государства. Составленную въ Москвѣ при митрополитѣ Макаріи (въ серед. XVI в.) „Книгу степенную царскаго родословія“ начинается „житіе и похвала блаженнаго и достохвальнаго и равноапостольнаго царя и великаго князя, святого и праведнаго Владиміра во свя-

томъ крещеніи Василя, всея Рускія земли самодержца“. Св. Владиміръ, жизнь и правленіе котораго описаны въ „Степенной книгѣ“ чрезвычайно подробно, представляетъ собою „первый степенъ“ въ ряду русскихъ государей, а царь Иванъ Васильевичъ „бысть отъ стѣмени сего блаженнаго Владиміра седьмынадесять (т. е. 17 - й) степенъ“. —Интересно отмѣтить, что составленный во 2 - й половинѣ XVII - го вѣка Кіевскій „Синописисъ“ (впервые изданный въ 1674 году) также ведетъ линію Россійскихъ государей отъ св. Владиміра (и считаетъ Москву законной исторической наслѣдницей и преемницей Кіева). Трудъ этотъ носить заглавіе: „Синописисъ или краткое описаніе о началѣ славенскаго народа, о первыхъ кіевскихъ князехъ и о житіи святаго, благовѣрнаго и великаго князя Владиміра, всея Россіи первѣйшаго самодержца, и о его наслѣдникахъ, даже до благочестивѣйшаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича самодержца Всероссійскаго“.

Имя и образъ св. Владиміра не остались только идейнымъ или литературнымъ явленіемъ, но были живой и дѣйственной силой въ исторіи Русскаго народа и Русскаго государства, особенно въ срединѣ XVII - го вѣка, въ эпоху политическаго воссоединенія Восточной и Западной Россіи (Малороссіи). Въ началѣ 1654 года гетманъ Богданъ Хмельницкій и войсковою писарь Иванъ Выговскій говорили прибывшему въ Переяславль царскому послу боярину Вас. Вас. Бутурлину: „милость де Божія надъ нами, якоже древде при великомъ князѣ Владимірѣ, такъ бо и нынѣ сродникъ ихъ, великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Русіи самодержецъ, призрилъ на свою государеву отчину Кіевъ и на всю Малую Русь милостью своею; яко орелъ покрываетъ гнѣздо свое, такъ и онъ государь изволилъ насъ принять подъ свою царскаго величества высокую руку; а Кіевъ и вся Малая Русь вѣчное ихъ государскаго величества“...—Когда, послѣ Переяславской рады, принявшей рѣшеніе о подданствѣ Малороссіи Русскому царю, бояринъ Бутурлинъ съ Московскимъ посольствомъ подѣлжалъ къ Кіеву, его встрѣтилъ передъ городомъ кіевскій

митрополитъ Сильвестръ Коссовъ съ сонмомъ высшаго малороссійскаго духовенства, и сказалъ московскимъ посламъ: „Внегда приходите отъ благочестиваго и христолюбиваго, свѣтлѣйшаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Русіи самодержца, отъ православнаго, православныи царстїи мужіе, желаніе имуще еже посѣтитъ благочестивое древнихъ великихъ князей Русскихъ наслѣдіе, внегда приходите къ сѣдалищу перваго благочестиваго Россійскаго великаго князя,—исходимъ вамъ въ срѣтеніе и цѣлуетъ васъ, въ лицѣ моемъ, онъ, благочестивый Владиміръ, великій князь Русскій“.—Такъ что мы, съ полнымъ основаніемъ и убѣжденіемъ, можемъ не только повторить обращенную къ святому Владиміру похвалу составителей „Степенной книги“: „Радуйся, просвѣтителю нашъ и добрый пастырю и благій учителю: тобою бо отъ тмы во во свѣтъ приидохомъ!“—но можемъ добавить къ этой и другую похвалу: Радуйся, отторженныхъ братій соединителю!...

III - й СВНОДСКІЙ ПЕРІОДЪ.

Отъ Петра Великаго до революціи.

Въ высшемъ управленіи русской церкви въ началѣ XVIII вѣка произошла существенная перемѣна. По смерти патріарха Адріана (1700 г.) Петръ Великій назначилъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола митрополита Рязанскаго Стефана Яворскаго, который руководилъ церковнымъ управленіемъ въ теченіе около 20 лѣтъ. Въ 1721 году былъ учрежденъ для управленія русской церковью святѣйшій синодъ, ищ „Духовная коллегія“ изъ нѣсколькихъ іерарховъ, поочередно перемѣняющихся. Для руководства синоду былъ составленъ знаменитымъ Теофаномъ Прокоповичемъ, епископомъ Псковскимъ, т. наз. „Духовный регламентъ“, пытавшійся доказать преимущества коллегіальной власти синода передъ единоличной властью патріарха. Въ дѣлахъ вѣры синодъ имѣлъ власть и силу патріаршескую, но съ другой стороны онъ, какъ и другія коллегіи, былъ подчиненъ надзору генераль - прокурора и сената, и при немъ сосгоялъ особый назначаемый царемъ оберъ - прокуроръ, бывшій царскимъ „окомъ“ въ дѣлахъ церковнаго управленія. Съ уничтоженіемъ высокаго сана и верховной (формально независимой) власти патріарха, русская православная церковь утрачивала свою прежнюю независимость и формальное равноправіе съ верховной свѣтской властью и превращалась какъ бы въ одно изъ вѣдомствъ общегосударственнаго управленія. вмѣсто величественной двоицы московскаго періода—царя и патріарха—во главѣ всего управленія какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго, оказался императоръ всероссійскій, и это конечно означало нѣкоторое стѣсненіе духовной свободы и самостоятельности російской православной церкви.

Въ правовомъ положеніи низшаго духовенства въ XVIII вѣкѣ также произошла существенная перемѣна. Въ XVI - XVII вв. приходскіе священники избирались своими прихожанами и затѣмъ, по ходатайству послѣднихъ, поставлялись епархіальной властью къ той или другой церкви. Въ XVIII - XIX вв. приходское духовенство назначается епархіальной властью, безъ выбора прихожанъ, и постепенно оно обращается въ замкнутое сословіе. Новый порядокъ, дѣлая священника независимымъ отъ прихожанъ, ослаблялъ въ то же время общественныя и нравственныя связи пастыря съ его пасомыми и велъ къ нѣкоторой бюрократизаціи церковнаго устройства. Въ XVIII - XIX вв. заглохла общественно - приходская жизнь въ русской церкви и міряне, въ общемъ, отошли отъ церковно - общественной работы...

Съ другой стороны, русское т. наз. образованное общество или интеллигенція, проникаясь идеями безрелигіознаго просвѣщенія, въ теченіе второй половины XIX в. во все отходить въ массѣ своей отъ церкви, и этотъ пагубный идейный расколъ въ русскомъ обществѣ подготавливаетъ будущее торжество разрушительныхъ антиобщественныхъ и богоборческихъ теченій...

Конечно, было бы совершенно несправедливо, если бы мы разсматривали православную церковь въ синодскій періодъ только какъ нѣкую вѣдомственную, бюрократическую организацію, лишенную творческихъ силъ и заслугъ передъ родиной. Уже въ царствованіе самаго Петра Великаго выдвинулся цѣлый рядъ выдающихся церковныхъ дѣятелей, которые были въ то же время и крупными дѣятелями русской культуры. Таковы были уже упомянутые сотрудники Петра Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прископовичъ, извѣстные не только какъ дѣятели церковнаго управленія, но и какъ крупные богословы, а Ѳеофанъ кромѣ того, какъ писатель и публицистъ; оба они были въ числѣ тѣхъ западно - русскихъ ученыхъ, которые были вызваны въ помощь восточно - русской церкви. Въ числѣ этихъ западно - русскихъ пришельцевъ были и св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій (1702 - 1709), который также былъ не только вы-

дающимся іерархомъ и подвижникомъ, но и дѣятелемъ русскаго просвѣщенія; онъ составилъ „Четыи - Минеи“ (жизнїа святыхъ на каждый день мѣсяца), т. наз. „Розыскъ о Брынской вѣрѣ“ (обличеніе раскольниковъ), множество словъ и поученій, „Краткій катехизисъ“, „Лѣтопись царей и патріарховъ“, „Каталогъ російскихъ митрополитовъ“ и др.; кромѣ того онъ составлялъ духовныя пѣсни; въ Ростовѣ онъ устроилъ училище на свои средства.—Изъ другихъ іерарховъ Петровскаго времени должно еще упомянуть св. Митрофанїа, епископа Воронежскаго (сконч. въ 1703 г.); онъ горячо поддерживалъ военно - патріотическіе подвиги Петра (въ частности сооруженіе флота и походы на Азовъ), сочувствовалъ и его преобразовательной дѣятельности, но открыто и смѣло осуждалъ его за чрезмѣрное пристрастіе ко всему иноземному и за презрѣніе къ обычаямъ родной старины.

Изъ святителей и подвижниковъ XVIII - XIX вв. слѣдуетъ еще упомянуть св. Тихона Задонскаго (1724 - 1783), Іоасафа Бѣлгородскаго (1705 - 1754), преп. Серафима Саровскаго (1758 - 1833), которые подвизались христіанскимъ подвигомъ, прославились своей святою жизнью и были источникомъ духовной радости и утѣшенія для всѣхъ, кто къ нимъ обращался за помощью и утѣшеніемъ.

Во второй половинѣ XVIII в. прибывшій съ Аѳона старецъ Паисій Величковскій (сконч. въ 1794 г.) явился возродителемъ въ русскіихъ монастыряхъ древняго института старчества, въ духѣ преп. Нила Сорскаго и его послѣдователей—„заволжскихъ старцевъ“; они выдвигали на первый планъ т. наз. „умное дѣланіе“ т. е. духовную устремленность къ Богу; достигая состоянія большой духовной высоты и даже прозорливости, старцы давали своимъ общеніемъ большую духовную отраду, утѣшеніе, поддержку и помощь тѣмъ, кто приходилъ къ нимъ за этой помощью. Развїтїемъ старчества особенно прославилась Оптина Пустынь (старецъ Амвросій Оптинскій). Знаменитый нашъ писатель Ѳ. М. Достоевскій попытался въ своихъ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ нарисовать въ лицѣ старца Зосимы, литературный портретъ такого возвышеннаго и просвѣтленнаго

ишока - старца, который призываетъ своихъ собесѣдниковъ не къ аскетическому умерщвлению плоти, но къ духовному очищенію и просвѣтленію, по слову евангельскому: „иго бо мое благо и бремя мое легко есть“...

Изъ дѣятелей въ области церковно - исторической и богословской науки въ концѣ XVIII и въ XIX в. должно упомянуть московскихъ митрополитовъ Платона Левшина (1737 - 1812), Филарета Дроздова (митрополитъ съ 1821 по 1867), Макарія Булгакова (1816 - 1882) автора многотомной „Исторіи Русской Церкви“ (13 томовъ); Кіевскаго митрополита Евгенія Болховитина (1767 - 1837), автора цѣлаго ряда замѣчательныхъ трудовъ по русской исторіи, церковной и общей.

Въ синодскій періодъ православная церковь ревностно и усердно продолжала свою миссіонерскую дѣятельность. Для распространенія православія среди разнообразнаго иновѣрческаго населенія Сибири много и успѣшно потрудились въ XVIII в. св. Иннокентій, епископъ Иркутскій. Въ первой половинѣ XIX в. архимандритъ Макарій Глухаревъ основалъ Алтайскую миссію, а протоіерей Іоаннъ Вениаминовъ (въ монашествѣ Иннокентій, съ 1840 г. епископъ Камчатскій, впоследствии митрополитъ Московскій) распространялъ христіанство среди Якутовъ, на крайнемъ сѣверо-востокѣ Азіи, а затѣмъ основалъ православную церковь въ Сѣверной Америкѣ. Наконецъ во второй половинѣ XIX в. ревностный миссіонеръ Николай Касаткинъ основалъ православную миссію, а потомъ православную епархію въ далекой Японіи, гдѣ онъ и скончался въ санѣ архіепископа въ 1912 году.

Значительнымъ событіемъ въ синодскій періодъ Русской церкви было воссоединеніе униатовъ въ Западной Россіи съ православною церковью, которое началось еще при Екатеринѣ великой, а завершилось при Николаѣ I торжественнымъ актомъ воссоединенія, подписаннымъ греко-униатскими епископами и прочимъ духовенствомъ 2 - го февр. 1839 года. Главная заслуга въ дѣлѣ воссоединенія униатовъ съ православною церковью принадлежитъ митрополиту литовскому Іосифу Сѣмашко. Въ 1875 г. присоединились къ

православной церкви и униаты Холмской Руси.

Наконецъ, нужно отмѣтить значительное развитіе школьнаго духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII - XIX вв. Въ самомъ концѣ XVIII в. кромѣ двухъ прежнихъ духовныхъ академій (въ Кіевѣ и въ Москвѣ) были открыты духовныя академіи въ С.-Петербургѣ и въ Казани. Кромѣ духовныхъ академій въ концѣ XVIII в. въ Россіи насчитывалось 36 семинарій и 115 духовныхъ училищъ для обученія дѣтей духовенства. — Въ началѣ XIX в. духовная школа реформируется; при этомъ окончательно устанавливается 4 разряда духовныхъ школъ: 1) академіи, 2) семинаріи 3) уѣздныя духовныя училища и 4) приходскія училища. Полученіе школьнаго образованія признается необходимымъ условіемъ для занятія мѣста священника. Съ семинарій и духовныхъ училищъ въ теченіи XIX в. значительно расширяется. Съ 1843 года стали возникать училища для дѣвицъ духовнаго званія (впослѣдствіи епархіальныя училища). Въ концѣ XIX и въ началѣ XX в. образуется широкая сѣть церковно - приходскихъ школъ (число которыхъ превышаетъ 40.000) для распространенія элементарнаго образованія среди широкой народной массы.

Духовная наука, какъ богословская, такъ и историческая, достигаетъ значительнаго развитія, а религіозно - просвѣтительныя общества и духовныя періодическія изданія пытаются нести духовную науку и просвѣщеніе въ общественную среду, пытаются снова возбудить въ обществѣ интересъ къ церковно - религіознымъ вопросамъ...

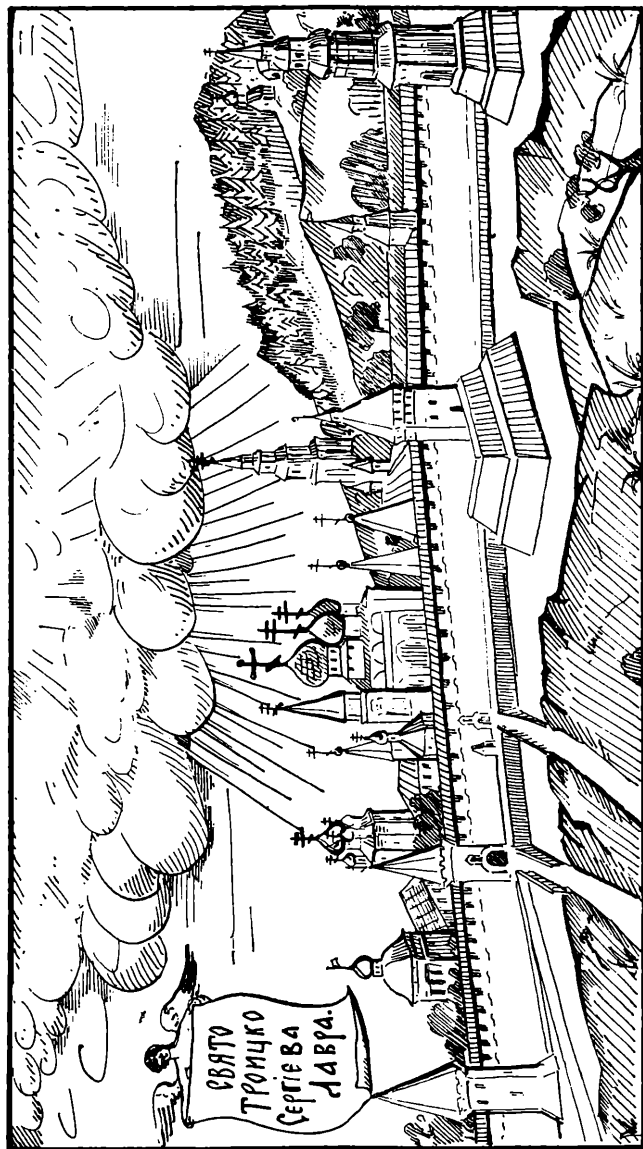
Великое потрясеніе русской жизни въ 1917 году должно было послужить для русской православной церкви толчкомъ къ ея оживленію и возрожденію. Съ одной стороны помѣстный соборъ русской церкви, засѣдавшій въ Москвѣ осенью 1917 года, возстановилъ патріаршество на Руси, и 21 ноября 1917 года (на праздникъ Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы) торжественно взошелъ на патріаршій престолъ въ Успенскомъ соборѣ великій іерархъ Россійской православной церкви святѣйшій Тихонъ, патріархъ Московскій и всея Россіи. Съ другой стороны, согласно постановленіямъ того же помѣстнаго собора, дол-

жна была возстановиться и возродиться общественная церковно-приходская жизнь, замершая въ синодальный періодъ русской церковной исторіи.

Обозрѣвая теперь тысячелѣтній путь, пройденный православною русскою церковью, мы видимъ, что она не стремилась къ захвату власти надъ государствомъ, но и сама не обращалась въ его безгласное и безвольное орудіе. Сохраняя, естественно, устремленіе къ міру потустороннему и усиленно призывая чадъ своихъ къ заботамъ о спасеніи души, церковь однако не отворачивалась отъ міра сего, не игнорировала его нужды и заботы, но дѣятельно и любовно участвовала въ жизни свѣтскаго общества, помогая ему совѣтами и поученіемъ, а въ случаѣ нужды своими матеріальными средствами. Заботясь въ обычные времена о томъ, чтобы частный и общественный бытъ русскаго чело-вѣка былъ проникнутъ началами христіанской нравственности и благообразія, церковь въ грозные и критическіе моменты русской исторіи, въ моменты опасностей, грозившихъ національно-государственному бытію русскаго народа, возвышала свой громкій и авторитетный голосъ, призывая русскихъ государей и весь русскій народъ къ выполненію ихъ національно-патріотическаго долга.

Въ новѣйшій періодъ русской исторіи дружественное сотрудничество и взаимное пониманіе между русскою церковью и русскимъ обществомъ нарушилось, и это расхождение было одной изъ причинъ побѣды антинаціональныхъ и антирелигіозныхъ силъ въ лицѣ большевизма. Объявляя войну всякой религіи и съ особой жестокостью и настойчивостью преслѣдуя православіе, большевицкая власть пытается разрушить великій тысячелѣтній организмъ русской церкви. Но разрушая и загоня въ подполье ея организациі, большевики никогда не смогутъ уничтожить духъ Христовой вѣры, не смогутъ истребить религіозное чувство въ народѣ. Ибо взамѣнъ возвышенныхъ идеаловъ христіанскаго вѣроученія и христіанской морали, они выдвигаютъ лишь ученіе грубаго бездушнаго матеріализма и мораль

звѣриной „классовой“ ненависти. Разрушительныя силы зла, насилія и ненависти, быть можетъ, еще долго будутъ справлять свои оргіи на широкихъ просторахъ многострадальной русской земли, но никогда не удастся имъ создать нормальное, здоровое и жизнеспособное человѣческое общество. Чтобы не погибнуть, русскій народъ долженъ будетъ возвратиться къ лучшимъ завѣтамъ родной исторіи и къ признанію общечеловѣческихъ культурныхъ цѣнностей. И это возвращеніе будетъ временемъ возрожденія и расцвѣта національнаго русскаго государства и святой Православной Церкви.

Свято-Троицкая Сергіева Лавра (по старинной гравюрь).

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
С. Г. ПУШКАРЕВА

ПОДЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ ПРОТОІЕРЕЯ О. СЕРГІЯ ЧЕТВЕРИКОВА
СЕКРЕТАРЯ РУССКАГО ПРАВОСЛАВНАГО ПАСТЫРСКАГО БРАТСТВА
ВЪ ПАМЯТЬ О. ЮАННА КРОНШТАДТСКАГО.

Типографія „Политика“ въ Прагъ.

1. ЖИТИЕ И ПОДВИГИ ПРЕП. СЕРГІЯ.

Великій свѣтильникъ Русской земли преподобный Сергій родился въ 1314 году въ семьѣ знатныхъ бояръ Ростовской области и былъ наречень во св. крещеніи Варѣоломеемъ.

Семилѣтнимъ мальчикомъ Варѣоломей, вмѣстѣ со своими братьями (старшимъ — Стефаномъ и младшимъ — Петромъ) былъ отданъ своими родителями въ ученье грамотѣ, но грамота плохо давалась ему. Послѣ усердныхъ молитвъ благочестиваго отрока, онъ удостоился чудеснаго видѣнія свѣтозарнаго старца и получилъ отъ Бога даръ книжнаго разумѣнія.

Уже съ 10—12-ти лѣтъ отрокъ Варѣоломей весь предался строгому посту, горячей молитвѣ и усердному чтенію священныхъ книгъ, отвращаясь отъ мірскихъ удовольствій и развлеченій, свойственныхъ юному возрасту.

Около 1330 года родители Варѣоломея, которые подъ старость „обнищали и оскудѣли“, переселились изъ Ростовской области въ Московскую, въ маленькій городокъ Радонежъ, который былъ отданъ великимъ княземъ Иваномъ Даниловичемъ въ удѣлъ его младшему сыну Андрею.— Братья Варѣоломея, достигнувъ совершеннаго возраста, поженились, онъ же хотѣлъ постричься въ монахи, но по просьбѣ родителей остался въ міру, чтобы покоить ихъ старость. Незадолго передъ своею смертью родители Варѣоломея приняли мо-

•

нашество (съ именами Кирилла и Маріи) въ Хотьковомъ монастырѣ близъ Радонежа, и тамъ же постригся овдовѣвшій братъ Варѣоломея — Стефанъ.

По смерти родителей юный Варѣоломей, передавъ свое скудное наслѣдство младшему брату Петру, рѣшилъ принять на себя особый подвигъ — монашества внѣ монастыря, или пустынножитія. Пригласивъ съ собой Стефана, Варѣоломей съ старшимъ братомъ ушли въ дремучій лѣсъ, гдѣ выбрали себѣ мѣсто для поселенія на берегу малой рѣчки Консеры (Кончуры), на мѣстѣ, называвшемся Маковцемъ, — гдѣ впослѣдствіи возникъ великій и славный Троицкій монастырь. Братья построили себѣ шалашъ для житія и малую деревянную церковку во имя Св. Троицы, освященную священниками, присланными по просьбѣ братьевъ московскимъ митрополитомъ Феогностомъ. Вскорѣ однако Стефанъ не вынесъ тяжести пустынножительства и ушелъ отъ брата въ Московскій Богоявленскій монастырь, Варѣоломей же остался подвизаться духовнымъ подвигомъ въ дремучемъ лѣсу, среди звѣрей и птицъ, гдѣ не ступала нога человѣческая и не слышно было человѣческаго слова, — „сице убо блаженный всегда въ постѣ и въ трудѣ жестокое житіе живяше“.

Въ 1337 г. молодой подвижникъ былъ постриженъ посѣтившемъ его старцемъ іеромонахомъ Митрофаномъ въ монашество, съ именемъ Сергія (23-хъ лѣтъ отъ роду). — „По отшествіи же Митрофана игумена, постригшаго его, единъ живяше безъ всякаго человѣка преподобный Сергій, упражняшеся въ пустыни той въ подвизахъ многихъ“.

Такъ прожилъ св. Сергій два или три года въ совершенномъ уединеніи, пребывая въ непрестанномъ богомысліи, въ молитвахъ и въ постоянныхъ трудахъ*), претерпѣвая тяжелыя лишенія отъ голода и холода и преодолевая искушенія бѣсовскія.

Отъ немногихъ лицъ, знавшихъ о подвигъ св. Сергія, слава о великомъ подвижникѣ стала распространяться по окрестностямъ; къ преп. Сергію стали приходять посѣтители и среди нихъ — монахи, пожелавшіе вмѣстѣ съ нимъ подвизаться подвигомъ пустынножителства. Преподобный охотно принималъ своихъ новыхъ сподвижниковъ, и скоро къ нему собрались 12 братій, поставившихъ вокругъ деревянной церковки св. Троицы 12 келлій и обнесшихъ ихъ тыномъ — такъ зачался Троице-Сергіевъ монастырь (около 1440 г). Первымъ его настоятелемъ и постояннымъ священникомъ (до тѣхъ поръ литургію въ монастырѣ совершали особо приглашаемые іеромонахи или бѣлые священники) сталъ старецъ іеромонахъ Митрофанъ, постригшій св. Сергія въ монашество, а по его смерти, братія упросила св. Сергія принять на себя санъ настоятеля, и въ 1344 г. епископъ Аѳанасій поставилъ преп. Сергія въ игумены основаннаго имъ монастыря.

Ставши игуменомъ, св. Сергій продолжалъ жизнь исполненную трудовъ, лишеній и высокихъ подвиговъ благочестія, — „житіе же бѣ его сицево: постъ, жажда, сухояденіе, безпостеліе, бдѣніе, чистота тѣлесная и душевная, устнама молчаніе,

*) Такъ, онъ вырубилъ около своего шалаша полянку для разведенія огорода.

труды тѣлесніи всегдашніи, плоти умерщвление, тихость, кротость, смиреніе нелицемѣрное, молитва непрестанная, разсужденіе доброразсудное, любовь совершенная, худость ризная, нищета безмѣрная, память смертная, страхъ Божій безпрестани“. — Теперь къ этимъ подвигамъ и трудамъ прибавились новыя — руководство братіей и наставленіе ея на путь истинной монашеской жизни и душевнаго спасенія. Ставъ игуменомъ, преп. Сергій попрежнему исполнялъ всѣ тяжелья работы — „вся монастырская дѣлеса, яже братіямъ на потребу“, — помогаль братіи строить кельи, носиль и кололь дрова, мололь муку на ручной мельницѣ, пекъ хлѣбы и вариль „вариво“, шиль обувь и платье, носиль воду изъ источника, — „и николи же ни часа празденъ не бываше“, „яко купленный рабъ работаше и служаше“, „хлѣбомъ же и водою точію питаешся, и того недосыти“. — Будничной одеждой преподобнаго игумена осталось попрежнему изодранное и заплатанное рубище изъ грубой сермяги, — „яко и не познатися ему, худости ради ризъ его“. — „Не требовавъ бо тогда ни злата, ни сребра, ни ризъ украшенныхъ, ни коней доброѣздныхъ, но со многимъ смиреніемъ, идѣже аще хотяше, пѣшъ хождаше“. — „Обитель бо его тогда честна бысть не златомъ, ни серебромъ, но множества ради смиренія и терпѣнія его“.

Охотно принимая къ себѣ всѣхъ приходящихъ въ монастырь, „не отреваше никого же, ни стара, ни млада, ни богата, ни убога“, преп. Сергій, однако, передъ постриженіемъ въ монашество налагаль на ново-пришедшихъ длительный искусь и послушаніе, прежде чѣмъ облечь ихъ въ „ангельскій образъ“.

Въ началѣ монастырь св. Сергія испытывалъ большую нужду во всемъ необходимомъ (часто вмѣсто свѣчей церковь во время богослуженій освѣщалась лучиной), но потомъ приношенія усердныхъ богомольцевъ и вклады богатыхъ постриженниковъ стали приносить въ монастырь богатство и изобиліе. Среди другихъ пришелъ въ Сергіевъ монастырь, привлеченный молвой о святости его настоятеля, архимандритъ Симонъ изъ Смоленска и вручилъ свое богатство преп. Сергію на устроеніе монастыря. Братія построила новую церковь (большіхъ размѣровъ, но попрежнему деревянную), поставила келліи правильнымъ четвероугольникомъ вокругъ церкви и прибавила площади монастыря.

Устроивъ и утвердивъ внѣшнее благообразіе и благосостояніе своего монастыря, преп. Сергіій неустанно заботился о внутреннемъ, духовномъ преуспѣяніи ввѣреннаго ему Богомъ чернеческаго стада и, по соглашенію съ митрополитомъ Московскимъ Алексіемъ, онъ рѣшилъ произвести рѣшительное преобразование въ быту монашества: до св. Сергія всѣ монастыри сѣверо-восточной Руси были особножитными, т. е. каждый монахъ имѣлъ свою собственную келлію, самъ одѣвалъ себя и готовилъ себѣ пищу, словомъ, былъ самъ себѣ хозяиномъ, подчиняясь лишь общему для всѣхъ игуменскому надзору въ дѣлахъ духовныхъ. Св. Сергіій и митрополитъ Алексій рѣшили взамѣнъ этого порядка ввести въ монастырѣ „общее житіе“ и, чтобы придать своему начинанію больше твердости и авторитета, испросили отъ константинопольскаго патріарха Филовея грамоту съ благословеніемъ на введеніе общежитія. Введеніе въ

монастырѣ общежитія потребовало постройки въ немъ новыхъ зданій (трапезы, поварни, пекарни и проч.) и учрежденія между монахами цѣлаго ряда хозяйственно - и церковно - общественныхъ должностей, что и было осуществлено св. Сергіемъ (въ 1354 г.), несмотря на недовольство части монастырской братіи, — „и тако разрядиша братію по службамъ: ового келаря, ового подкеларника, ового казначея, ового уставщика, овѣхъ трапезниковъ, иныхъ же поваровъ, другихъ же хлѣбниковъ, иныхъ же больнымъ служити; и все богатство и имѣніе монастырское обще сотвориша и никому же ничтоже свое держати, ниже своимъ звати что, но вся обща имѣти. Елицы же тако не восхотѣша, отай изыдоша изъ монастыря, и оттолѣ уставися общее житіе въ монастыри святого Сергія, иже въ Радонежи, въ славу пресвятыя Троица“.

Прославляясь все больше и привлекая къ себѣ все бѣльшее число посѣтителей, Троице-Сергіевъ монастырь потерялъ характеръ „пустыни“, ибо вокругъ него стали селиться крестьяне-земледѣльцы, вырубая лѣсъ и ставя свои починки и деревни, — „и исказиша пустыню, и составиша села и двory многи“...

Но не только окрестныхъ крестьянъ привлекало къ себѣ благочестіе Троицкой обители и святость ея настоятеля: слава преп. Сергія уже при жизни его далеко распространилась по Руси, — еще при жизни своей онъ былъ прославленъ даромъ чудотворенія и провидѣнія... Монастырь святого Сергія еще при жизни своего основателя сдѣлался для всей сѣверо-восточной Руси мѣстомъ благодатной помощи и нравственнаго утѣшенія. — Ни-

щіе, больные и бездомные находили въ немъ помощь, уходъ и пропитаніе. — Современные преп. Сергію іерархи и подвижники русской церкви пребывали съ нимъ въ союзъ братской любви: митрополитъ Алексій, св. Стефанъ, епископъ Пермскій, просвѣтитель зырянъ, преп. Кириллъ, основатель знаменитаго Бѣлозерскаго монастыря и др. — Митрополитъ Алексій хотѣлъ видѣть преп. Сергія своимъ преемникомъ на каѳедрѣ всероссійскаго митрополита, но смиренный Троицкій игумень отказался стать „златоносцемъ“, желая до конца дней своихъ пребыть въ нищетѣ монашеской, — „въ послѣдняя лѣта живота его умножися братіи, святой же пребываше въ величїи нищетѣ, никоего имѣнія притяжа, ни сель, но пребывая уповая къ Богу“.

Князья и бояре прїѣзжали къ преподобному игумену за совѣтомъ, утѣшеніемъ и за молитвенной помощью. Князь Владиміръ Андреевичъ (одинъ изъ главныхъ героевъ Куликовской битвы), въ удѣлѣ котораго находился Сергіевъ монастырь, имѣлъ великую вѣру и любовь къ преп. Сергію, часто посѣщалъ его и снабдѣвалъ необходимымъ. Великій князь Дмитрій Ивановичъ Московскій обратилъ за помощью и совѣтомъ къ св. Сергію въ великую и страшную минуту, — наканунѣ рѣшительной битвы съ татарами. 18 августа 1380 года вел. князь прїѣхалъ къ преп. игумену Троицкаго монастыря съ печальными вѣстями: „Прїиде князь велики Дмитрей Ивановичъ къ преподобному Сергію въ монастырь и рече ему: „вѣси ли, отче? велика мя скорбь обдержитъ и печаль, и всему христіанству скорбь; слышимъ, что Мамай Ординскій князь подвиге всю Орду безбожныхъ татаръ,

и идуць на мою отчину, на Русскую землю, хотя разорити святыя церкви и погубити наше христіанство; тѣмъ же, отче святыи, помоли Бога о нашемъ христіанствѣ, да избавитъ насъ Богъ отъ таковыя бѣды“. — Святыи игуменъ отвѣтилъ вел. князю, что ордынскому царю, если бы онъ только требовалъ дани, подобало бы дать злато и сребро, но — „за имя же Христова и за православную вѣру душу свою положить и кровь свою проліяти подобаетъ; и ты, господине, честь имъ даждь, и злато и сребро даждь, а чрезъ то еще имуть ратовать насъ, не попуститъ имъ Богъ, но уповаемъ на Бога и на пречистую Богородицу, яко ты побѣдити имаши ихъ и здравъ возвратиши съ воинствы своими, и прославитъ Господь Богъ имя твое въ родъ и родъ“. „И даде ему изъ монастыря своего, изъ братыи своея, два инока, Пересвѣта и Ослябя, зѣло умѣющихъ ратному дѣлу и полки уставляти, еще же и силу имущихъ и удалство веліе и смѣлство“. — Послѣ молебна св. Сергій благословилъ вел. князя и отпустилъ его вмѣстѣ съ двумя иноками-богатырями (Алексѣандръ Пересвѣтъ въ мірѣ былъ бояриномъ брянскимъ, Иродіонъ Ослябя — бояриномъ Любутскимъ) на брань съ татарами, обѣщавъ помощь Божію на супостатовъ.

Наканунѣ рѣшительной битвы къ вел. князю прибылъ отъ преп. Сергія посолъ съ грамотой: „Великій же князь Дмитрей Ивановичъ прииде къ рѣцѣ Дону за два дни до Рождества Святыя Богородица. Тогда же приспѣ грамота къ великому князю отъ преподобнаго игумена Сергія отъ святаго благословеніе, въ ней же писано благословеніе таково, веля ему битися съ татары: „чтобы

еси, господине, такы пошелъ, а поможетъ ти Богъ“...

8-го сент. 1380 г. произошла страшная битва съ татарами на Куликовомъ полѣ: инокъ-богатырь Пересвѣтъ палъ въ единоборствѣ съ татарскимъ богатыремъ, и много другихъ русскихъ витязей положило въ этой битвѣ животъ свой за вѣру и отечество, но огромная татарская сила была наголову разбита русскими полками и обратилась въ безпорядочное бѣгство,—„и бысть сѣча зѣло велика, и по пророчеству святаго побѣжены быша татарове“... По возвращеніи изъ похода вел. князь Дмитрій Ивановичъ не замедлилъ пріѣхать къ преп. Сергію съ горячей благодарностью за совѣтъ и за усердныя молитвы о дарованіи побѣды, и въ память Донской побѣды основалъ, при помощи преп. Сергія, Дубенскій монастырь въ честь Успенія Пресвятой Богородицы.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Куликовской битвы св. Сергій оказалъ вел. князю Дмитрію Ивановичу еще одну важную государственную услугу: въ 1385 г., послѣ пораженія московскаго войска рязанскимъ княземъ Олегомъ Ивановичемъ, преп. Сергій, по просьбѣ вел. князя Дмитрія, ѣздилъ къ Олегу и „тихими и кроткими словесы“ склонилъ его на примиреніе съ великимъ княземъ, — „преподобный игумень Сергій, — рассказываетъ лѣтописецъ, — ѣздилъ въ Рязань къ князю Олгу о миру, мнози бо преже того къ нему ѣздиша и не возмогоша умирити ихъ, тогда же взя съ великимъ княземъ Дмитріемъ миръ вѣчный“.

Преп. Сергій присутствовалъ при кончинѣ вел. князя Дмитрія Ивановича (19 мая 1389 г.) и былъ однимъ изъ свидѣтелей, передъ которыми состав-

лено было духовное завѣщаніе вел. князя Дмитрія. — А вскорѣ затѣмъ и самъ преп. Сергій почилъ въ Бозѣ (25 сент. 1392 г.), удостоившись незадолго передъ своей кончиной видѣнія Божіей Матери, которая обѣщала угоднику Божію быть неотступной отъ созданной имъ обители...

Житіе преп. Сергія, составленное его ученикомъ и сподвижникомъ Епифаніемъ Премудрымъ, повѣствуетъ также о другихъ видѣніяхъ и чудесахъ преподобнаго Троицкаго игумена.

— О изведеніи источника. Когда братія однажды начала роптать, что далеко приходится носить въ монастырь воду, св. Сергій помолился — „и мѣсто назнаменавшу, внезапно источникъ велій явился, иже донинѣ всѣми видимъ есть, отъ него же почерпаютъ на всяку потребу монастырскую... и исцѣленія сподобляются“...

— О воскрешеніи отрока молитвами святого. Отецъ отрока имѣлъ великую вѣру къ преподобному, и когда сынъ его однажды тяжело занемогъ, онъ принесъ его въ монастырь св. Сергія, чтобы просить молитвъ преподобнаго о исцѣленіи болящаго; но отрокъ умеръ тотчасъ по прибытіи въ монастырь... „Святой же умилился о челоувѣцѣ ономъ, преклонъ колѣни начать молиться о умершемъ, и внезапно отроча оживе, и душа его возвратися, и начать подвизатися...“

— Житіе повѣствуетъ далѣе объ исцѣленіи больныхъ, увѣчныхъ и бѣсноватыхъ по молитвамъ преподобнаго Сергія.

— Наконецъ, находимъ мы въ житіи рассказъ о видѣніи, предсказавшемъ св. Сергію будущій ростъ и процвѣтаніе его обители: „И тако ему молящуся вечеру сущу глубоку, слыша гласъ гла-

голющъ: Сергіе! Онъ же удивися о необычномъ въ нощи званію, и сотворивъ молитву, открыи кѣлія оконце... И абіе зрить видѣніе чюдно: свѣтъ бо велій явися съ небесе, яко всей нощнѣй тмѣ отгнаннѣ быти; и толицѣмъ свѣтомъ нощь она просвѣщена бѣ, яко дневный свѣтъ превосходити свѣтлостію. Возгласи же второе глаголя: Сергіе, молишися о своихъ чадахъ, и Господь моленіе твое пріять, смотри же опасно и виждь множество инокъ, во имя святыя и живоначалныя Троица съшедшихся въ твою паству тобою наставляеми. — Святый же возрѣвъ и видитъ множество птицъ зело красныхъ прилетѣвшихъ не токмо въ монастырь, но и округъ монастыря. И гласъ убо слышашесе глаголющъ: имъ же образомъ видѣлъ еси птица сія, тако умножится стадо ученикъ твоихъ, и по тебѣ не оскудѣють, аще восхотятъ стопамъ твоимъ послѣдовати...”

2. ЗНАЧЕНИЕ ПРЕП. СЕРГІЯ ВЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ И РУССКАГО ГОСУДАРСТВА. ЕГО УЧЕНИКИ И ПРОДОЛЖАТЕЛИ.

Мѣстное празднованіе преп. Сергію началось въ Троицкомъ монастырѣ скоро послѣ его кончины; 5-го іюля 1422 г. были торжественно открыты мощи преподобнаго, и не позже 1450 г. мы уже находимъ его въ ликѣ обще-русскихъ святыхъ; въ 1463 г. новгородскимъ архіепископомъ Іоною была поставлена въ Новгородѣ на владычномъ дворѣ первая извѣстная церковь во имя преп. Сергія, а въ теченіе слѣдующихъ вѣковъ храмы во имя св. Сергія распространились по всему лицу Русской земли...

Уже при жизни своей преп. Сергій пользовался великимъ уваженіемъ и почитаніемъ современниковъ, называвшихъ его „чуднымъ старцемъ“, „преподобнымъ игуменомъ“, „святимъ Сергіемъ“, — и признававшихъ его основоположникомъ истиннаго монашества въ сѣверо-восточной Руси. — „Въ лѣто 6900 (1392), — повѣствуетъ лѣтописецъ, — преставися преподобный и богоносный отецъ нашъ игумень Сергій Троецкій, иже въ Радонежи, иже бѣ начальникъ и учитель всѣмъ монастыремъ, иже въ Руси“...

Св. Сергій и его ученики основали цѣлый рядъ новыхъ монастырей въ сѣв.-восточной Руси, — „мнози монастыри воздвиге на славу Божию и Пречистыя Богородици и свои ученики постави

въ тѣхъ монастырехъ начялствовати, добродѣтели и разумны, и богоугоднѣ упасоша стада своя“... Кромѣ двухъ монастырей Дубенскихъ трудами преп. Сергія и его учениковъ были основаны еще монастыри — Московскій Симоновъ (первымъ игуменомъ котораго сталъ племянникъ св. Сергія — сынъ его брата Стефана — Ѳеодоръ, скончавшійся въ 1394 г. въ санѣ архіепископа Ростовскаго), Коломенскій Голутвинъ, Серпуховскій Высоцкій и др. — Изъ учениковъ св. Сергія выдвинулись, какъ подвижники и какъ основатели новыхъ обителей благочестія, преп. Меѳодій Песношскій, преп. Савва Сторожевскій († 1407 г.), преп. Сильвестръ Обнорскій († 1379), преп. Павелъ Обнорскій или Комельскій († 1429 г.), преп. Сергій Нуромскій († 1412 г.), преп. Авраамій Галичскій, преп. Іаковъ Желѣзноборовскій († 1442 г.). Въ общемъ ученики и собесѣдники преп. Сергія основали до 30 монастырей новаго типа: по мѣстоположенію — пустынныхъ, т. е. находящихся внѣ мірскихъ поселеній и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ (въ отличіе отъ прежнихъ монастырей — городскихъ и подгородныхъ), а по образу жизни монаховъ — общинножитныхъ или общежитныхъ (въ отличіе отъ прежнихъ — особножитныхъ монастырей). Св. Сергій „яко солнце сіяше предъ всѣми людьми и яко лучи отъ солнца ученицы его мнози провозсіяша, — или яко звѣзды посреди небеси свѣтяхуса и по всей Рустѣй земли житіемъ добрымъ и чудесы просвѣтишася“...

Изъ Московской области введенное св. Сергіемъ монастырское общежитіе распространилось на сѣверъ — въ обширную область Поморья, и на западъ — въ области Псковскую и Новгород-

скую. Съ другой стороны, пустынножитіе, начало которому было положено св. Сергіемъ, широко распространилось въ Московской Руси: въ XV—XVI в.в. всѣ лѣса сѣверной, Московской, Руси населились уединенными пустынниками, духовными чадами и подражателями св. Сергія, а затѣмъ изъ одинокихъ отшельническихъ хижинъ вырастали все новые и новые монастыри; въ XV вѣкѣ въ Московской Руси было основано 57 пустынныхъ монастырей, всего же за три вѣка XIV—XVI-й — въ предѣлахъ Московской Руси было построено 150 пустынныхъ и 104 городскихъ и пригородныхъ монастыря.

Итакъ, св. Сергій явился отцомъ и основоположникомъ сѣвернаго русскаго монашества, но помимо того велико было его значеніе и въ общегосударственной жизни Русскаго народа. Св. Сергій явился заступникомъ и покровителемъ Русскаго государства и помощникомъ русскихъ воиновъ въ битвахъ за вѣру и отечество. Въ XVII в. Троицкій келарь Симонъ Азарьинъ въ предисловіи къ своему сказанію о новоявленныхъ чудесахъ св. Сергія писалъ: „но свыше цѣлебныхъ даровъ отъ Бога благодать дана ему всю Россійскую землю заступати отъ находящихъ враговъ христіанскихъ, отъ безбожныхъ татаръ, и нѣмецъ, и Литвы и прочихъ языкъ, нечтущихъ по истинѣ Бога Господа нашего Іисуса Христа, и хотящихъ разорити православное Христіанство, яко Богомъ данный помощникъ всему Государству. И всюду и вездѣ царемъ и великимъ княземъ обрѣташеся помощникъ во бранехъ, яко же на Дону великому князю Дмитрею на безбожнаго царя Мамаю благословеніе давъ и во время бою посланными своими крѣпко вооруживъ... Тако же подѣ Ка-

занью и подъ Свіяжскимъ градомъ царю и великому князю Ивану на безбожныхъ татаръ чудесы своими помощь дарова... И гдѣ ни быша во бранехъ цари государи и великіе князи, преподобнаго Сергія имя во устѣхъ присно поминаху, и церковь полотняную во имя его на путехъ близъ шатровъ своихъ поставляху и по вся дни въ нее на молитву прихожаху, яко подъ Казанію и въ Свіяжскомъ градѣ, идѣже нынѣ монастыри его, такожь и подъ Москвою во обозѣ противу Крымскаго царя, идѣже нынѣ церковь Пречистые Богородицы именуется Донская. И вездѣ, во всякомъ пути, и во всякихъ напастехъ имя его призываху, и егда въ любовь прихождаху, именовемъ его утверждающеся“...

Одна изъ величайшихъ святынь Троице-Сергіева монастыря — икона явленія Богоматери преп. Сергію сопутствовала русскимъ войскамъ въ ихъ тяжелыхъ походахъ и подвигахъ, принося имъ ободреніе и надежду на помощь и заступничество небесныхъ Силъ. Въ 1552 г., отправляясь подъ Казань, царь Иванъ Васильевичъ посѣтилъ обитель св. Сергія, чтобы испросить его помощь; подъ Казанью шатеръ царя былъ неотлученъ отъ походной церкви во имя преп. Сергія и къ нему была обращена молитва царя передъ взятіемъ Казани; а изъ обители Сергіевой въ часы рѣшительной битвы прибылъ съ крестомъ и образомъ явленія Богоматери преп. Сергію инокъ Адріанъ Ангеловъ. По взятіи Казани царь повелѣлъ въ Казани и въ Свіяжскѣ основать монастыри во имя преп. Сергія, и возвращаясь изъ похода, посѣтилъ Троицкую обитель со слезной благодарностью заступнику Русской земли.

Образъ явленія Божіей Матери св. Сергію сопутствовалъ русскимъ войскамъ и въ тяжелыхъ войнахъ съ Польшей и Литвой при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (въ борьбѣ за освобожденіе Малороссіи), и впослѣдствіи — въ войнахъ XVIII-го и XIX-го вѣковъ.

Московскіе цари, относясь съ исключительнымъ уваженіемъ къ преп. Сергію, какъ къ молитвеннику и покровителю Русскаго государства, постоянно ходили въ Троице-Сергіевъ монастырь на поклоненіе мощамъ преподобнаго Сергія. Обычныя и правильныя ихъ путешествія совершались дважды въ годъ — весенній и осенній Троицкіе богомольные походы (въ день св. Троицы и 25-го сентября — въ день памяти преп. Сергія); а кромѣ того, передъ каждымъ важнымъ событіемъ государственной или личной жизни приходили они въ монастырь св. Сергія съ молитвой о помощи, а по успѣшномъ окончаніи дѣла — съ благодарностью за дарованную помощь.

Россійскіе императоры и императрицы также приходили на поклоненіе ко гробу св. Сергія. Въ апрѣлѣ 1877 года императоръ Александръ II, рѣшивъ поднять оружіе для освобожденія балканскихъ славянъ отъ турецкаго ига, послѣ извѣстной своей рѣчи въ Московскомъ кремлевскомъ дворцѣ, посѣтилъ лавру преп. Сергія, чтобы испросить у великаго заступника и покровителя земли Русской благословеніе на предпринимаемое дѣло, — и принялъ изъ рукъ митрополита икону явленія Божіей Матери преп. Сергію для препровожденія ея въ дѣйствующую армію, пошедшую проливать кровь за свободу своихъ славянскихъ братьевъ...

Икона Пресвятой Троицы письма Андрея Рублева.

3. ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВЪ МОНАСТЫРЬ ВЪ XV—XVI СТ.

Преемникомъ св. Сергія и продолжателемъ его дѣла былъ ученикъ его преп. Никонъ (игумень съ 1392 до † 1429 г.). При немъ Троице-Сергіевъ монастырь продолжалъ возвышаться въ своемъ духовномъ значеніи и преуспѣвать въ благосостояніи.

Въ 1408 г., при нашествіи на Москву Едигея, монастырь былъ сожженъ и затѣмъ, по уходѣ татаръ, заново построенъ подъ руководствомъ преп. Никона.

5-го іюля 1422 г. совершилось въ монастырѣ великое и славное торжество — открытіе мощей св. Сергія, послѣ чего надъ гробомъ преподобнаго была построена новая — каменная церковь во имя св. Троицы — донынѣ существующій Троицкій соборъ. Стѣны его были расписаны старцемъ Данииломъ Чернымъ и знаменитымъ русскимъ художникомъ-иконописцемъ XV в. Андреемъ Рублевымъ; написанная послѣднимъ икона „Троица“ является однимъ изъ величайшихъ созданий древне-русскаго художества.

При преп. Никонѣ жилъ въ Троицкомъ монастырѣ ученикъ и собесѣдникъ преп. Сергія Епифаній (получившій впослѣдствіи прозвище „Премудрый“), который составилъ житія св. Сергія и св. Стефана Пермскаго (житіе св. Сергія въ срединѣ XV в. редактировалъ и дополнилъ прибыв-

шій съ Леона въ Троицкій монастырь инокъ Пахомій „Сербинъ“).

Заботясь о духовномъ преуспѣяніи обители, преп. Никонъ былъ въ то же время прекраснымъ хозяиномъ, положившимъ прочное начало позднѣйшему богатству Троицкаго монастыря (при немъ стали приниматься въ монастырь земельные вклады).

Пользовавшійся огромнымъ уваженіемъ современниковъ и потомства, Никонъ былъ причисленъ къ лику обще-русскихъ святыхъ въ XVI ст.: церковный соборъ въ Москвѣ 26-го февраля 1547 г. постановилъ совершать повсемѣстное празднованіе во дни памяти 12-ти святыхъ Русской церкви, въ числѣ которыхъ были преп. Никонъ и другой ученикъ св. Сергія — преп. Павелъ Обнорскій. Послѣ этого въ Троицкой обители былъ устроенъ храмъ надъ гробомъ преп. Никона.

Изъ преемниковъ преподобныхъ Сергія и Никона здѣсь должны быть упомянуты, какъ наиболѣе выдающіеся игумены Троицкаго монастыря въ XV—XVI ст. — преп. Мартиніанъ (1447—1455 г., — духовникъ велик. князя Василія Васильевича); Вассіанъ Рыло (1455—1466), ученикъ св. Пафнутія Боровскаго, впоследствии архіепископъ Ростовскій; онъ былъ духовникомъ вел. князя Ивана Васильевича и обличителемъ его слабости во время нашествія Ахматова, — авторомъ укоризненнаго посланія къ великому князю на Угру съ призывомъ — крѣпко и мужественно стать противъ врага. Далѣе, Паисій Ярославовъ (1479—1482), изъ монаховъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, одинъ изъ первыхъ представителей „заволжскаго“ монашества (относившагося отрицательно къ монастыр-

скому землевладѣнію), учитель преп. Нила Сорскаго. — Преп. Серапіонъ (1495—1506), потомъ архіепископъ Новгородскій. — Преп. Арсеній Сахарусовъ (1525—1527), наз. Комельскимъ. — Іоасафъ 1-й Скрипицынъ (1529—1539), потомъ митрополитъ всероссійскій.

Въ 1551 г., по ходатайству Троицкаго игумена Артемія, былъ переведенъ къ Троицѣ изъ Тверскаго Отроча монастыря преп. Максимъ Грекъ, знаменитый дѣятель русскаго церковнаго просвѣщенія, много пострадавшій за попытку исправленія непорядковъ русской церковной жизни и скончавшійся на покоѣ въ Троицкомъ монастырѣ въ 1556 г.

Въ 1561 г. грамотой митрополита московскаго и всея Руси Макарія игумень Троицкаго монастыря Елевѣерій былъ возведенъ въ санъ архимандрита, и Троицкій монастырь былъ поставленъ выше всѣхъ прочихъ монастырей Московской митрополіи.

Изъ рядовъ настоятелей и братіи Троицкаго монастыря въ XV—XVI ст. вышелъ цѣлый рядъ іерарховъ русской церкви, въ томъ числѣ три митрополита всероссійскихъ: Симонъ (1495—1511), Іоасафъ (1539—1541), Кириллъ III (1568—1572).

Возвышаясь въ своемъ церковно-общественномъ значеніи, Троицкій монастырь преуспѣвалъ и въ своемъ строительствѣ, и въ своемъ хозяйственномъ благосостояніи. — Въ 1512 г. въ монастырѣ были поставлены каменныя ворота и на воротахъ — церковь во имя св. Сергія. — Въ 1540—1550 г.г. вокругъ монастыря была сооружена массивная каменная стѣна съ 12-ю башнями, превратившая монастырь въ первоклассную крѣпость

древней Руси и сослужившая такую большую службу монастырю (и всей Россіи) въ тяжелые годы Смутнаго времени. — Въ 1556 г. монастырь подвергся перестройкѣ: стоявшія тѣснымъ 4-угольникомъ вокругъ церкви келліи были расширены и отнесены къ стѣнамъ монастыря. — Въ 1585 г. былъ освященъ начатый постройкой при Иванѣ Грозномъ большой пятиглавый Успенскій соборъ, построенный по образцу московскаго Успенскаго собора. — Съ конца XVI ст. и въ теч. XVII ст. строились каменные зданія келлій и монастырскихъ хозяйственныхъ построекъ.

Средства для обширной строительной дѣятельности монастырь получалъ теперь главнымъ образомъ изъ своихъ обширныхъ земельныхъ владѣній. Благочестивые богатые люди въ древней Руси имѣли обычай жертвовать въ монастыри на поминъ души не только деньги и драгоценности, но и земельныя владѣнія, населенныя крестьянами, такъ что въ рукахъ монастырей, — и больше всего, Троицкаго монастыря, — собирались значительныя земельныя и денежныя богатства. Въ концѣ XVI в. у Троицкаго монастыря было около 100 сель (съ деревнями), доставшихся ему путемъ вкладовъ, и около 30 сель, приобрѣтенныхъ путемъ покупки. Значительныя богатства имѣлъ монастырь также въ видѣ соляныхъ варницъ, рыбныхъ ловель и т. д., такъ что хозяйственная дѣятельность подъ руководствомъ монастырскихъ властей охватывала область не только сельскаго хозяйства, но также — промышленности и торговли.

Огромныя денежныя средства монастыря въ значительной части расходовались на дѣла благотворительности, — на содержаніе богадѣльни для

убогихъ, существовавшей въ монастырѣ уже въ XV—XVI ст., на „кормы“ нищихъ, убогихъ и странниковъ, на угощеніе многочисленныхъ богомольцевъ, на приемы и пропитаніе „всякаго чина людей“, проѣзжавшихъ и проходившихъ по большой дорогѣ мимо Троицкаго монастыря — къ Москвѣ и отъ Москвы. — Троицкій монастырь, исполняя завѣты своего святаго основателя, широко развилъ дѣло благотворительности и гостепріимства. Вспоминая о прежней скудости Троицкой обители, келарь Симонъ Азарьинъ писалъ (въ полов. XVII в.); „... Пслѣди же коликими благими Богъ обитель его распространилъ: елика во обитель его приносимая умножахуся, толико страннолюбная утѣшенія возрастаху, и никто же отъ обители его тщима рукама отхождаше. Заповѣда жъ и по себѣ не токмо нищихъ и странныхъ довольно покоити, но и всякому требующему подавати... И сію его заповѣдь хранятъ непремѣнно, и донынѣ симъ тако бывающимъ, не токмо простіи и больніи и нищии, но и князи, и бояре, и воеводы, и воинскіе люди, мимо грядущіе, вси пріимаху подобающую довольно честную потребу, яко отъ источникъ неисчерпаемыхъ, и въ путь свой пищу и питіе довольно пріимаху“...

Помимо благотворительной помощи всѣмъ нуждающимся, богатая Троицкая казна съ конца XVI в. стала, въ случаяхъ чрезвычайной надобности, оказывать значительныя денежныя вспоможенія казнѣ государственной. Русскіе государи, начиная съ Бориса Годунова, дѣлали значительныя позаимствованія изъ Троицкой казны на военныя и другія потребности государства. Борисъ Годуновъ, на рубежѣ XVI и XVII ст., взялъ изъ монастырской казны

на ратныхъ людей 15.400 руб.; Лже-Димитрій — 30.000 руб.; царь Василій Шуйскій — свыше 20.000 рублей...

Наконецъ, въ началѣ XVII в. для братіи Троицкаго монастыря пришло время не только деньгами и трудами, но и кровью своею послужить Русскому народу и Русскому государству.

4. ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВЪ МОНАСТЫРЬ ВЪ СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

Когда въ началѣ XVII-го в. замутилась вся Русская земля и, потрясаемая междуусобной бранью и стихійными бѣдствіями, казалось, легко могла стать добычей чужеземцевъ и иновѣрцевъ, — тогда Троицкій монастырь оказался великой духовной и военной крѣпостью, о стѣны которой разбилися и прямыя нападенія и льстивые соблазны враговъ.

Особенно тяжело было положеніе Русскаго государства въ 1607—1611 г.г., когда лишенная сильной центральной власти, опустошаемая иноплеменниками и своими „ворами“, земля Русская погружалась все глубже въ бездну анархіи и разоренія. Сидѣвшее въ Москвѣ слабое правительство царя Василя Ивановича Шуйскаго (1606—1610 г.г.) было безсильно возстановить порядокъ внутри государства и защитить страну отъ внѣшнихъ враговъ; параллельно ему образовалось въ подмосковномъ селѣ Тушино другое правительство — т. наз. Тушинскаго „вора“ или Тушинскаго „царика“, выдававшего себя за царя Дмитрія Ивановича (сына Ивана Грознаго). Къ Тушинскому „вору“ примкнуло не только множество русскихъ „воровъ“ и казацкой голытьбы, но и дружины польскихъ и литовскихъ пановъ, пришедшихъ на Русь — половить рыбу въ мутной водѣ... Троицкій монастырь, обладавшій богатыми сокровищами, пред-

ставлявшій собой первоклассную крѣпость, которая прикрывала дорогу изъ Москвы въ сѣверные города, сохранявшій вѣрность царю Василію, которому монастырь оказывалъ нравственную и матеріальную помощь, и рѣшительно отвергавшій мысль о подчиненіи ложному Тушинскому „царику“ и его приспѣшникамъ, былъ „бѣльмомъ на глазу“ и въ то же время заманчивой добычей для „тушинцевъ“.

— „Все бо помнѣть, — писалъ Симонъ Азаринъ въ серед. XVII в., — егда Московское государство разорено бысть, и гради, и веси, и церкви огню и мечу предани быша, ... и Московскому государству не бысть ни откуда помощи; токмо едина сія обитель святыхъ Троицы и чудотворца Сергія заступленіемъ Пречистые Богородицы Богомъ снабдима бысть, цвѣтѣше всякими благощами и кипѣше всякимъ богатствомъ“...

Вотъ на этотъ-то свѣтлый островокъ и обратились въ 1608 г. хищные взоры „тушинцевъ“. Монастыремъ рѣшилъ овладѣть воевода Тушинскаго „царика“ Петръ Сапѣга, пришедшій въ Тушино съ 7-ю тыс. чел. на вербованнаго имъ войска изъ поляковъ и литовцевъ; къ нему присоединился лихой наѣздникъ Александръ Лисовскій съ своею дружиною; къ полякамъ и литовцамъ примкнуло много русскихъ „воровъ“ и „воровскихъ казаковъ“, такъ что число враговъ подошедшихъ къ стѣнамъ монастыря превышало 15 тыс. чел. (а по показаніемъ плѣнныхъ, простиралось даже до 30-ти тыс.), съ большимъ количествомъ артиллеріи. Этой вражеской арміи защитники Сергіевой обители могли противопоставить самыя незначительныя силы. Царь Василій Ивановичъ при-

слалъ въ монастырь небольшой гарнизонъ подъ начальствомъ осадныхъ воеводъ князя Григорія Борисовича Долгорукаго-Роши и Алексѣя Ивановича Голохвастова; кромѣ того, монастырь вооружилъ своихъ слугъ, служебниковъ и крестьянъ, и даже братія монастырская взялась за оружіе, чтобы защитить домъ святыхъ чудотворцевъ Сергія и Никона. Всего защитниковъ набралось до 2300—2400 чел.; число же небоеспособнаго населенія въ монастырѣ далеко превышало эту цифру, ибо за крѣпкія стѣны монастыря укрылось множество мирнаго населенія подмонастырскихъ сель и слободъ со своими семьями и со своимъ скарбомъ, что, конечно, произвело въ осажденной обители чрезвычайную скученность и тѣсноту и въ послѣдствіи вызвало жестокую эпидемію.

Навстрѣчу двинувшемуся къ монастырю польско-литовско-воровскому войску царь Василій Ивановичъ послалъ свое войско (подъ начальствомъ князя Ивана Шуйскаго), которое пыталось задержать непріятелей у с. Воздвиженскаго, въ 15-ти верстахъ отъ Троицкаго монастыря, но было ими наголову разбито. 23-го сент. 1608 г. Сапѣга и Лисовскій со своими дружинами явились передъ Троицкимъ монастыремъ. Поставивъ вблизи монастыря свои станы или таборы и укрѣпивъ ихъ острогами, они заняли всѣ дороги, ведущія къ монастырю своими заставами, для которыхъ построили малые острожки.

Осажденные, съ своей стороны, энергично готовились къ оборонѣ. Архимандритъ Іоасафъ и братія возносили усердныя молитвы къ Богу и къ святому основателю обители, прося защитить и спасти обитель отъ грозной опасности. Воеводы

князь Долгорукій и Голохвастовъ, совмѣстно съ архимандритомъ Іоасафомъ и соборными старцами, привели всѣхъ защитниковъ у раки преп. Сергія къ крестному цѣлованію — съ обѣщаніемъ крѣпко и непоколебимо стоять противъ враговъ, — „и оттолѣ“, — пишетъ въ своемъ сказаніи знаменитый келарь Троицкой лавры Авраамій Палицынъ, — „бысть во градѣ братолюбіе веліе, и вси со усердіемъ безъ измѣны ратовахуса со враги“. Передъ приходомъ враговъ защитники монастыря сожгли находившіяся вокругъ монастыря слободы и монастырскія службы, дабы непріатели не воспользовались ими для осадныхъ цѣлей. Затѣмъ воеводы выбрали изъ служилыхъ людей и изъ монаховъ головъ или начальниковъ, между которыми раздѣлили монастырскія стѣны, башни и ворота; по всѣмъ башнямъ установили артиллерию и начали изъ нея пальбу по осаждающимъ...

29-го сентября Сапѣга и Лисовскій прислали въ монастырь двѣ грамоты — воеводамъ и архимандриту Іоасафу — съ требованіемъ сдачи. Въ первой грамотѣ, обращенной къ воеводамъ, польско-литовскіе командиры писали: „покоритесь великому государю вашему царю Дмитрею Ивановичу, сдайте намъ градъ, (и) зѣло пожалованы будете отъ государя царя Дмитрея Ивановича;... аще ли не сдадите намъ града, а... возьмемъ его, то ни единъ отъ васъ во градѣ милости отъ насъ не узритъ, но умретъ злѣ“. — Грамота, обращенная къ архимандриту Іоасафу, упрекала монаховъ за то, что они забыли своего „истиннаго“ царя и „доброхотствуютъ“ князю Василію Шуйскому, — и требовала отъ архимандрита: „запрети попомъ и прочимъ мнихомъ, да не учать воинства не по-

корятся царю Дмитрею... и намъ градъ отворите безъ всякія крови. Аще ли не покоритесь и града не сдадите, и мы заразъ взявъ замокъ вашъ и васъ беззаконниковъ всѣхъ порубаемъ". — Но слова польско-литовскихъ начальниковъ, ихъ угрозы и обѣщанія, — „пали какъ вѣтеръ на скалу Троицкую“, по выраженію одного изъ польскихъ писателей.

Воеводы и архимандритъ Іоасафъ, посовѣтовавшись со своими соратниками, послали врагамъ суровый и рѣшительный отвѣтъ: „Воеводы же, — рассказываетъ лѣтописецъ Троицкой осады Авраамій Палицынъ, — князь Григорей Борисовичъ и Алексѣй приговорили съ архимандритомъ Іоасафомъ и съ прочими соборными старцы и зъ дворяны и со всѣми воинскими людьми противъ ихъ лъстивыя грамоты къ Сапѣгѣ и Лисовскому отписку учиниша сице: „Да вѣсть ваше темное державство, гордіи начальницы Сапѣга и Лисовскій и прочая ваша дружина: вскую насъ прельщаете Христово стадо православныхъ христіанъ. Богоборцы, мерзость запустѣнія, да вѣстѣ, яко и десяти лѣтъ христіанское отроча въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ посмѣется вашему безумному совѣту... Како вѣчную оставити намъ святую истинную свою православную христіанскую вѣру греческаго закона и покоритися новымъ еретическимъ законамъ?.. Или кое пріобрѣтеніе и почестъ, еже оставити намъ своего православнаго государя царя и покоритися ложному врагу и вамъ — латынѣ иновѣрнымъ и быти намъ яко жидомъ или горши сихъ: они бо жидове не познавше Господа своего распяше, намъ же, знающимъ своего православнаго государя... како оставити намъ повелѣваете

христіанскаго царя и ложною ласкою и тщетною лестію и суетнымъ богатствомъ прельстити насъ хотите? Но ни всего міра не хоцемъ богатства противъ своего крестнаго цѣлованія“ ..

Сурово отвергнувши требованія Сапѣги и Лисовскаго, какъ слугъ самозванца и какъ еретиковъ-латинянъ, защитники монастыря были готовы положить жизнь въ смертной борьбѣ за свою святую обитель, и борьба эта немедленно началась.

30-го сент. враги произвели на монастырь приступъ всѣмъ войскомъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, но послѣ жестокой битвы были отбиты съ большими потерями. — Тогда непріатели перешли къ правильной осадѣ крѣпости; они установили подъ монастыремъ свой „нарядъ“ — нѣсколько артиллерійскихъ батарей, укрѣпили ихъ окопами и рвами, и начали жестокой обстрѣлъ монастыря изъ всѣхъ своихъ 63-хъ орудій. Почти непрерывная бомбардировка длилась въ теченіе 6-ти недѣль, но стѣны святой обители стояли крѣпко, охраняемыя доблестью защитниковъ, усердными молитвами архимандрита Іоасафа и благочестивыхъ старцевъ и чудесною помощію свыше, — сказаніе объ осадѣ монастыря повѣствуетъ о многократныхъ явленіяхъ преп. Сергія архимандриту Іоасафу и пономарю Иринаруху, съ предупрежденіями объ опасности (передъ приступами) и съ обѣщаніемъ помощи защитникамъ. — „Мѣсяца октября въ 3-й день, — повѣствуетъ Авраамій Палицынъ, — начаша бити... и біюще по граду шесть недѣль безпрестанно... разжжеными желѣзными ядры; обитель же пресвятыя и живоначальныя Троицы покровенна бысть десницею вышняго Бога и нигдѣ же не зажгоша... А иже въ башняхъ у наряду,

и тѣмъ велика бѣда бысть отъ муки, отъ стрѣлянія бо стѣнамъ граднымъ трясущимся и каменію разсыпающуся и вси злѣ страждуще;... по единому бо мишеню отъ утра даже до вечера стрѣляніе бываше, паки же стѣны нерушими бываху... И бысть тогда во градѣ тѣснота велія и скорбь и бѣды и напасти, и всѣмъ тогда въ осадѣ сущимъ кровію сердца кипяху, но отъ полезнаго дѣла, еже наченше, не преставаху, смерти же ожидаху, но на Господа Бога упованіе возлагаху и всяко ко врагомъ сопротивляхуся“.

Защита Троицкой крѣпости затруднялась чрезвычайнымъ переполненіемъ обители небоеспособнымъ окрестнымъ населеніемъ: „И толика тѣснота бысть во обители, яко не бѣ мѣста праздна. Мнози бо человекы и скоты, бесъ покрова суще, и расхищяху всяка дрѣвеса и каменіе на созданіе кушь, понеже осени время наста и зимѣ приближающися... И жены чада раждаху предѣ всѣми человекы... И всяко богатство небрегомо и татми не крадомо; и всякъ смерти прося со слезами“... .

Приступъ, произведенный поляками и „ворами“, послѣ жестокой пальбы всѣхъ осадныхъ батарей, въ ночь съ 13-го на 14-е октября, былъ отбитъ защитниками такъ же, какъ и приступы въ ночь на 24-е октября и 2-го ноября. Съ своей стороны, осажденные неоднократно дѣлали мужественныя и стремительныя вылазки изъ крѣпости, причиняя врагамъ значительныя потери, захватывая оружіе и плѣнныхъ („языковъ“).

Въ концѣ октября поляки начали вести большой подкопъ подѣ Троицкую стѣну, чтобы, взорвавъ ее, ворваться въ крѣпость черезъ образовавшуюся брешь. До защитниковъ монастыря до-

шли слухи о подкопѣ и это вызвало тревогу въ монастырѣ. Произведенная 1-го ноября вылазка оказалась неудачной для троицкихъ защитниковъ; изъ нихъ было перебито и переранено около 200 человекъ, но взять непріятельскаго „языка“ и получить точныя свѣдѣнія о подкопѣ не удалось, — что вызвало усиленіе въ монастырѣ тревоги и опасеній за судьбу крѣпости. Вылазка 4-го ноября дала, наконецъ, защитникамъ нужныя свѣдѣнія о подкопѣ, а послѣдовавшая затѣмъ вылазка 9-го ноября оказалась чрезвычайно удачной для защитниковъ крѣпости: они овладѣли нѣсколькими непріятельскими батареями, взяли много оружія и боевыхъ припасовъ и причинили врагамъ значительныя потери людьми; при этомъ было обнаружено устье столь тревожившаго гарнизонъ подкопа, и два крестьянина подмонастырскаго села Клементьева, Никонъ Шиловъ и Слота, взорвали подкопъ, геройски пожертвовавъ своею жизнью для защиты крѣпости: вскочивши въ глубину подкопа, они зажгли въ немъ порохъ и смолу, „заткнувши устіе подкопа, и взорва подкопъ, Слота же и Никонъ ту въ подкопѣ сгорѣша“...

Въ борьбѣ за домъ св. Троицы и преп. Сергія проявляли одинаковое геройство и самопожертвованіе и ратные люди, и крестьяне и старцы монастырскіе. Такъ, во взятіи литовскаго „наряду“ важную роль сыгралъ отрядъ подъ начальствомъ старца Нифонта Зміева: „старецъ же Нифонтъ, съ прочими старцы посовѣтовавъ, и взяше съ собою двѣстѣ человекъ ратныхъ и старцовъ тридесять и поидоша съ пивного двора на вылазку“... — Во время успѣшной вылазки 13-го ноября особенно отличился крестьянинъ-богатырь

„Суетою зовомъ“, -- „и сотвори Господь преславная тогда. И нератницы охрабришася, и невѣжди, и никогда же обычай ратныхъ видѣвше, и ти убо исполинскою крѣпостію препоясашася“ ...

Около половины ноября военныя дѣйствія подъ Троицкимъ монастыремъ пріостановились на зиму. Поляки и „воры“ прекратили бомбардировку и удалились въ свои таборы, Лисовскій ушелъ на сѣверъ разбойничать.

Но тутъ на защитниковъ Троицкаго монастыря пришла новая напасть: отъ тѣсноты, грязи, плохой пищи и загрязненной воды въ монастырѣ явилась (17 ноября) цынга, которая свирѣпствовала до середины мая слѣдующаго (1609-го) года; монастырь превратился въ одну ужасную заразную больницу; люди умирали — по нѣсколько десятковъ въ день, такъ что къ концу эпидеміи изъ 2-хъ тыс. чел. способныхъ носить оружіе уцѣлѣло не болѣе 200 человекъ. — „И престаившася тогда братіи старыхъ во обители 297 братовъ, а новопостригшихся тогда болѣе 500“ (тяжело раненые и больные имѣли тогда благочестивый обычай — передъ кончиной постригаться въ монашество). Всего же во время осады монастыря погибло, — по свидѣтельству Авраамія Палицына, — старцевъ и ратныхъ людей 2125 человекъ, „кромѣ женска полу и недорослей и маломощныхъ и старыхъ“.

Къ этимъ бѣдствіямъ физическимъ присоединились иныя бѣды вслѣдствіе нравственнаго упадка и немощи грѣховной, постигшей истомленный гарнизонъ: нравственная распущенность и смуты въ монастырѣ, измѣны и ложныя обвиненія въ измѣнахъ, несогласія и вражда между воеводами и т. д.

Къ веснѣ 1609 г. число защитниковъ монастыря уменьшилось до 200—250 чел., и если обитель все же не была взята врагами, то этимъ она была обязана только заступничеству преп. Сергія... Зимой монастырскія власти и воеводы настойчиво просили у царя Василія военныхъ подкрѣпленій для дальнѣйшей обороны монастыря; находившійся въ Москвѣ Троицкій келарь Авраамій Палицынъ и самъ патріархъ Гермогенъ поддерживали передъ царемъ ихъ ходатайство, но безсильный царь Василій Шуйскій могъ послать въ подкрѣпленіе защитникамъ Троицкой обители лишь атамана Останкова съ 60-ю казаками, къ которымъ келарь Авраамій присоединилъ 20 человекъ монастырскихъ слугъ.

Въ маѣ 1609 г. возобновились военныя дѣйствія подъ Троицкимъ монастыремъ. 27-го мая враги произвели на стѣны монастырскія приступъ, который былъ отбитъ съ большимъ урономъ, при чемъ къ защитѣ монастыря были привлечены даже женщины. — „Троицкое же воинство и вси православніи христіане, мужи и жены, бьющесе со враги черезъ всю ночь беспрестанно, яко и на прежнихъ приступѣхъ“...

Потомъ снова началась строгая осада монастыря. Приступы повторились затѣмъ 28-го іюня и 31-го іюля и снова были отбиты, несмотря на то, что въ послѣднемъ приступѣ принималъ участіе недавно пришедшій на помощь къ Сапѣгѣ и Лисовскому съ новыми силами панъ Зборовскій, похвалявшійся однимъ ударомъ взять „лукошко“, какъ онъ назвалъ Троицкую крѣпость... А въ это время къ монастырю, наконецъ, приближался избавитель — доблестный молодой воевода князь

Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, шедшій съ сильнымъ войскомъ для освобожденія Москвы отъ „тушинцевъ“. Тотчасъ послѣ приступа 31-го іюля 1609 г. Сапѣга, Лисовскій и Зборовскій пошли отъ монастыря навстрѣчу кн. М. В. Скопину-Шуйскому, но были разбиты имъ у Колязина монастыря и снова возвратились подъ Троицкій монастырь. Въ августѣ кн. М. В. Скопинъ-Шуйскій подошелъ и остановился въ Александровской слободѣ, въ 40 верстахъ отъ Троицкаго монастыря. Осажденные послали къ славному воеводѣ просить о помощи, и въ октябрѣ 1609 г. прибылъ отъ него въ монастырь отрядъ изъ 900 ратныхъ людей подъ начальствомъ воеводы Давида Жеребцова, — послѣ чего всякая военная опасность для монастыря почти миновала. 4-го янв. 1610 г. кн. М. В. Скопинъ-Шуйскій прислалъ въ монастырь для нападенія на поляковъ воеводу Григорія Валуева съ 500 ратныхъ людей. Бой съ поляками 4-го января оказался нерѣшительнымъ, но 12-го января поляки, опасаясь движенія къ Троицкому монастырю князя М. В. Скопина-Шуйскаго со всѣмъ войскомъ, сняли осаду (продолжавшуюся 16 мѣсяцевъ) ушли отъ монастыря, — такъ закончилась славная и достопамятная оборона Троицкаго монастыря отъ поляковъ и русскихъ „воровъ“; въ память ея было установлено 12-го января — день отступленія осаждавшихъ — каждый годъ совершать крестный ходъ по монастырской стѣнѣ...

* * *

Доблестной защитой монастырской крѣпости не была исчерпана служба Троицкой обители Рус-

•

ской землѣ въ тяжелую годину Смутнаго времени. — Во время самой осады, когда и Москва была стѣснена „тушинцами“ и въ ней начался сильный недостатокъ и дороговизна съѣстныхъ припасовъ, вызванная отчасти также спекуляціей хлѣбныхъ торговцевъ, находившійся въ Москвѣ Троицкій келарь Авраамій Палицынъ выпускалъ на рынокъ по дешевой цѣнѣ изъ имѣвшихся въ его распоряженіи монастырскихъ житницъ сотни четвертей ржи, и тѣмъ заставлялъ хлѣботорговцевъ понижать цѣны на хлѣбъ.

А впослѣдствіи, въ тяжелый 1611-й годъ, когда захватившіе Москву поляки и ихъ русскіе приспѣшники (правившіе государствомъ отъ имени польскаго королевича Владислава) стали жестоко угнетать Русь и угрожать ея національному и церковному бытію, тогда изъ стѣнъ Троицкой обители раздался набатный звонъ по всей Руси. Доблестный Троицкій архимандритъ Діонисій (смѣнившій архимандрита Іоасафа въ 1610 году) и келарь Авраамій Палицынъ разсылали изъ монастыря по всѣмъ городамъ пламенныя грамоты съ призывомъ къ русскимъ людямъ — подняться на защиту вѣры и отечества и освободить отъ враговъ Московское государство (такіе же грамоты разсылалъ по городамъ и славный Кирилло-Бѣлозерскій монастырь), — „сицевымъ же грамотамъ отъ обители Живоначальныя Троица во вся Російскіе грады достизающимъ, ... по всѣмъ градомъ вси бояре и воеводы и все христіанское воинство и всенародное множество православныхъ христіанъ помалу разгорающееся о Бозѣ духомъ ратнымъ. И вскорѣ сославшеса, сподвигошася отъ всѣхъ градовъ, со всѣми своими воинствы поидоша къ

царствующему граду на отмщеніе крови христiанскiя“. — Однако т.-наз. первое земское ополченіе 1611 г., какъ извѣстно, распалось вслѣдствіе несогласiя дворянскаго и казачьяго войска, послѣ убійства казаками воеводы Прокопiя Ляпунова. — Тогда изъ обители св. Сергiя снова зазвучаль призывный голосъ, снова пошли во всѣ города троицкiя грамоты съ призывомъ къ русскимъ людямъ — постоять крѣпко и мужественно за благочестіе и за отечество.

Между тѣмъ обитель предлагала кровь, пищу и врачеваніе лишеннымъ крова, разореннымъ, раненымъ и изувѣченнымъ отъ враговъ, — многiя тысячи несчастныхъ и обездоленныхъ нашли помощь и утѣшеніе въ ея гостепрiимныхъ стѣнахъ, а умиравшіе предавались, заботами монастыря, христiанскому погребенію... — „И во время разоренiя Московскому государству, — пишетъ Симонъ Азаринъ, — обитель св. Сергiя не малая подпора и поможеніе бысть, и проѣздъ отъ оставшихъ градовъ къ Московскому государству, и паки отъ Москвы по градомъ путь чистый и гладкiй, и покой и пристанище княземъ и бояромъ и всякого чину людемъ. Истину же аще рещи, нагимъ одежда бысть, страннымъ упокоеніе, нищимъ игладнымъ прекормленіе, отъ мраза изгибающимъ теплое утѣшеніе, страннымъ и раненымъ и конечно издыхающимъ отпускъ отъ сего свѣта съ напутіемъ вѣчнаго живота, мертвымъ же погребеніе бываше“...

Когда побуждаемые грамотами Троицкаго монастыря снова поднялись русскіе люди — особенно въ Нижнемъ Новгородѣ — на брань за вѣру и отечество, и составилось т.-наз. второе земское

ополченіе во главѣ съ знаменитыми вождями кн. Д. М. Пожарскимъ и Кузьмою Мининымъ, тогда Троицкая обитель снова всѣми своими силами, матеріальными и духовными, пришла на помощь русскому христіанскому воинству. 14 авг. 1612 г. пришло къ Троицкой лаврѣ ополченіе кн. Д. М. Пожарскаго, идущее на освобожденіе Москвы отъ поляковъ, и было гостепріимно принято въ монастырѣ.

Кн. Д. Т. Трубецкой, стоявшій съ своимъ ополченіемъ подъ Москвой, звалъ къ себѣ на помощь кн. Д. М. Пожарскаго, и вотъ 18-го августа архимандритъ Діонисій, совершивъ молебствіе, благословилъ христіанское воинство на брань за вѣру и отечество, и полки князя Пожарскаго двинулись къ Москвѣ. вмѣстѣ съ войскомъ пошелъ къ Москвѣ и троицкій келарь Авраамій Палицынъ, на котораго подъ Москвой выпала важная дипломатическая роль — мирить несогласныхъ воеводъ кн. Трубецкого и кн. Пожарскаго и убѣждать казаковъ — не отступаться отъ русскаго дѣла. Во время наступленія гетмана Хоткевича, шедшаго съ своимъ войскомъ на выручку запертаго въ Москвѣ польскаго гарнизона, когда въ русскомъ войскѣ снова возникъ раздоръ между дворянскимъ и казачьимъ ополченіемъ, и казаки не хотѣли биться, келарь Авраамій уговорилъ ихъ придти на помощь кн. Пожарскому и тѣмъ спасъ русское дѣло: гетманъ Хоткевичъ былъ отбитъ, — поляки отступили, предоставивъ сидѣвшій въ Москвѣ польскій гарнизонъ его участи... Когда затѣмъ казаки стали выражать недовольство неуплатой имъ денежнаго жалованья и хотѣли разойтись изъ-подъ Москвы, соборъ въ Троицкой лаврѣ рѣшилъ послать ка-

закамъ въ уплату за ихъ боевую службу церковныя сокровища; устыдившіеся казаки отказались принять такую плату и обѣщали: „аще и тмочисленныя бѣды и скорби прїидуть, то вся терпѣти, а не вземше Москвы и врагомъ крови христіанскія не отмстивше не отити“...

22-го окт. 1612 г. осаждавшими былъ взятъ приступомъ Китай-городъ, затѣмъ палъ и Кремль, — Москва была освобождена отъ поляковъ и Россія была спасена...

Раннею весною 1613 г. новоизбранный царь Михаилъ Федоровичъ, идя изъ Костромы къ Москвѣ, пробылъ въ обители Троицкой недѣлю, укрѣпляясь молитвою у гроба преп. Сергія на подвигъ великаго царскаго служенія... — Славная же обитель Троицкая, такъ много потерпѣвшая въ Смутное время и сослужившая такую великую службу Русской землѣ, стала оправляться отъ причиненныхъ ей потерь и разореній. — Черезъ 5 лѣтъ, во время нашествія польскаго королевича Владислава на Московское государство въ 1618 г., Троицкому монастырю снова угрожала серьезная опасность, — но военныя дѣйствія были прекращены миромъ, заключеннымъ въ троицкой деревнѣ Деулино, 1 дек. 1618 г.

5. ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВЪ МОНАСТЫРЬ ВЪ XVII СТ.

Миновало тяжелое лихолѣтье Смутнаго времени, и обитель Троицкая, отложивъ мечъ, снова возвратилась къ высокому подвигу духовнаго служенія, — ея кроткій и благочестивый свѣтъ по-прежнему озарялъ и утѣшалъ всю Русь — отъ царя до послѣдняго нищаго!

Въ XVII в. изъ рядовъ настоятелей и братіи Троицкаго монастыря снова выдвинулся рядъ выдающихся дѣятелей русской церкви — подвижниковъ, іерарховъ и дѣятелей духовнаго просвѣщенія.

Доблестный архимандритъ Іоасафъ 3-й (1605—1610 г.), выдержавшій достопамятную осаду, по окончаніи ея возвратился въ Пафнутьевъ Боровскій монастырь, котораго онъ былъ игуменомъ, и былъ убитъ въ іюль 1610 г. при взятіи и разграбленіи монастыря Сапѣгой.

Смѣнившій Іоасафа архимандритъ Діонисій Зобниновскій (1610—1633) послѣ того, какъ онъ принималъ такое дѣятельное и доблестное участіе въ освобожденіи отечества отъ враговъ въ 1611—1612 г.г., взялся за работу духовнаго просвѣщенія и очищенія русскаго церковнаго общества, и въ 1616—1618 г.г., по порученію государя, занимался исправленіемъ требника и другихъ богослужебныхъ книгъ. Нѣкоторыя его исправленія вызвали жестокое и озлобленное сопротивленіе невѣжественныхъ ревнителей старины, и кроткому благоче-

стивому подвижнику пришлось перенести много поношеній, преслѣдованій и даже мученій за правое дѣло. Въ теченіе года онъ пробылъ въ заточеніи въ московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, но въ 1619 г. былъ освобожденъ соборомъ съ участіемъ патріарха іерусалимскаго Теофана и возвратился въ монастырь св. Троицы, а по окончаніи своей праведной и подвижнической жизни онъ былъ признанъ мѣстнымъ святымъ Троицкой обители.

Одинъ изъ преемниковъ Діонисія, архимандритъ Іоасафъ 4-й (1656—1667) въ 1667 г. взошелъ на первосвятительскій престолъ — патріарха Московскаго и всея Россіи. Архимандритъ Іовъ (1694—1697) сталъ потомъ митрополитомъ Новгородскимъ.

Но и помимо своихъ достопамятныхъ настоятелей и будущихъ іерарховъ Россійской церкви, Троицкій монастырь въ XVII в. выдвинулъ рядъ замѣчательныхъ церковно-общественныхъ дѣятелей. — Такимъ былъ неоднократно упоминавшійся выше келарь Авраамій Палицынъ, знаменитый дѣятель Смутнаго времени, оставившій замѣчательное сказаніе о событіяхъ Смутнаго времени, и въ частности — объ осадѣ Троицкаго монастыря Сапѣгой и Лисовскимъ.

Замѣчательнымъ дѣятелемъ духовнаго просвѣщенія былъ Симонъ Азарьинъ, троицкій келарь въ серед. XVII в. († 1665 г.). Его стараніемъ впервые были изданы (въ 1646—1647 г.г.) печатныя житія св. Сергія и преп. Никона, вмѣстѣ со службами названнымъ святымъ. Продолженіемъ житія св. Сергія, составленнаго Елифаніемъ и редактированнаго Пахоміемъ, явилось составленное Симономъ Азарьинимъ сказаніе о новоявленныхъ чу-

десахъ св. Сергія. Въ предисловіи къ этому сказанію Симонъ Азарьинъ далъ общее обозрѣніе роли и значенія Троицкой обители и ея святаго основателя въ русской церковной и государственной жизни. Наконецъ, Симонъ Азарьинъ составилъ житіе своего наставника — преп. Діонисія и канонъ ему.

Другой троицкій старецъ (также бывший келаремъ монастыря) Арсеній Сухановъ († 1668 г.) въ 1649 г., по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, былъ посланъ въ Іерусалимъ для описанія святыхъ мѣстъ и греческихъ „церковныхъ чиновъ“. Въ 1654 г., по распоряженію патріарха Никона, заботившагося объ исправленіи богослужебныхъ книгъ соотвѣтственно древнимъ подлинникамъ, старецъ Арсеній Сухановъ отправился на Аѳонъ и въ другіе восточные монастыри для отысканія и покупки греческихъ и древне-славянскихъ рукописей, которыхъ имъ было куплено до 500-тъ.

Славная своими духовными подвигами и своимъ великимъ значеніемъ въ церковной и общественной жизни тогдашней Руси, обитель Троицкая въ XVII в., какъ и прежде, привлекала къ себѣ неслучное множество богомольцевъ и посѣтителей. Цари московскіе совершали свои „богомольные походы“ къ Троицѣ; восточные патріархи, пріѣзжавшіе на Русь съ конца XVI в., также посѣщали знаменитую обитель и поклонялись ея святынямъ; народъ русскій, отъ князей и бояръ до холоповъ и нищихъ, непрерывной вереницей шелъ на поклоненіе гробу чудотворца Сергія и находилъ успокоеніе, утѣшеніе и радость духовную въ стѣнахъ его святой обители.

Царь Алексѣй Михайловичъ, душевно предан-

ный Троицкой обители, прислалъ въ монастырь въ 1656 г. посланіе на имя преподобныхъ Сергія и Никона и на имя архимандрита Іоасафа съ братією, въ которомъ „вѣрный и грѣшный рабъ Христовъ,... и мимотекущаго сего свѣта сѣдящій на престолѣ царствѣмъ... тлѣнный царь Алексѣй“ приносилъ горячую благодарность „великому Отцу и Чудотворцу, заступнику же и крѣпкому молитвеннику и скорому помощнику“ — преп. Сергію за успѣхи русскаго оружія въ войнѣ съ Польшей за освобожденіе Малороссіи; а иноковъ Троицкой обители царь благодарилъ за ихъ молитвы и восклицалъ въ умиленіи сердечномъ: „о блаженіи и трєблаженіи отцы святіи, воистину великъ вашъ постъ и пріятна ваша молитва Богу и поистиннѣ небесніи челоуѣцы и земніи ангелы наречетесь!“...

Въ самомъ концѣ XVII в. Троицкая обитель еще два раза оказала Россіи большую государственно - политическую услугу, сохранивъ жизнь будущаго преобразователя Россіи — Петра Великаго. Въ сентябрѣ 1682 г. цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи и сестра ихъ царевна Софія, спасаясь отъ злоумышленій стрѣльцовъ и ихъ начальника князя Хованскаго, укрылись въ Троицкомъ монастырѣ, который при своей хорошей и хорошо вооруженной крѣпости представлялъ для нихъ наиболѣе безопасное убѣжище; тѣмъ временемъ были посланы воззванія во Владимірѣ, Суздаль, Юрьевѣ и другіе города къ ратнымъ людемъ — съ призывомъ идти подъ Москву на защиту царской семьи; въ Троицкій монастырь собрались тысячи вѣрныхъ воиновъ, пришедшихъ изъ разныхъ городовъ, такъ что монастырь принялъ видъ воинскаго стана; стрѣльцы смутились,

князь Хованскій былъ схваченъ и казненъ, мятежники изъявили покорность...

Черезъ 7 лѣтъ, въ ночь съ 7-го на 8-е авг. 1689 г., молодой царь Петръ Алексѣевичъ, спасаясь отъ злоумышленія на его жизнь царевны Софіи и стрѣльцовъ, прискакалъ изъ подмосковнаго села Преображенскаго въ Троицкій монастырь — искать защиты и помощи; два мѣсяца (до 6-го октября) пробылъ царь Петръ въ стѣнахъ Троицкой обители; снова собрались къ монастырю войска, вѣрныя царю и своей присягѣ, мятежники снова должны были покориться законному властителю, и порядокъ государственный былъ возстановленъ.

Будучи царскимъ убѣжищемъ во время опасности, обитель Троицкая нерѣдко являлась царскою сокровищницею въ случаяхъ острой нужды государства въ деньгахъ. Изъ Троицкой казны брали деньги предшественники Петра Великаго, но особенно много пользовался ею Петръ. Съ 1680-го по 1701-й годъ взято было изъ Троицкой казны на ратныхъ людей, на корабельное строеніе и на иныя государственныя нужды ок. 130 тыс. руб., всего же Петромъ Великимъ въ теченіе его царствованія было взято изъ казны Троицкаго монастыря до 400 тыс. рублей (на деньги нач. XX в. — нѣсколько милліоновъ рублей).

Послѣ разореній Смутнаго времени, когда — по свидѣтельству Симона Азарьина, — „монастырь отъ осады конечно оскудѣ всякими потребамы, и вотчины монастырскія всѣ въ разореніи быша“, — монастырь сталъ быстро оправляться въ экономическомъ отношеніи. Еще въ концѣ 1615 года власти Троицкаго монастыря писали царю: „въ

вотчинахъ Троицкаго монастыря хлѣбъ не родился и для того въ монастырѣ скудость великая; крестьяне раззорены“... и власти монастырскія принуждены „займуя деньги посылать на монастырскій обиходъ купить хлѣба по городамъ“... Но черезъ 2—3 десятилѣтія троицкое хозяйство снова развилось и разрослось до обширныхъ размѣровъ. По даннымъ описи монастыря и монастырскаго хозяйства, произведенной въ 1641—1643 г.г., на однихъ только поляхъ, находившихся подъ самымъ монастыремъ, высѣвалось ржи 345 четв.; кромѣ того у монастыря было въ разныхъ мѣстахъ около 10 сель съ монастырскими запашками. Въ монастырскихъ житницахъ (и въ раздачѣ по долгамъ) было нѣсколько десятковъ тысячъ четвертей хлѣба. На конюшенныхъ и скотскихъ дворахъ монастырскихъ содержались многія сотни лошадей и коровъ. Велики были монастырскіе запасы рыбы, соли и другихъ хозяйственныхъ и пищевыхъ продуктовъ. Обильна была и денежная казна монастырская. — Наконецъ, неоцѣненны были сокровища ризницы монастырской, составившіяся изъ вкладовъ и пожертвованій богатыхъ богомольцевъ, или сдѣланныя, по заказамъ монастырскихъ властей, лучшими мастерами того времени. — Архидіакона Павла Алеппскаго, посѣтившаго Троицкій монастырь въ 1655 г. въ свитѣ антиохійскаго патріарха Макарія и описавшаго это посѣщеніе въ своихъ запискахъ, поразили роскошь и богатство облаченій, священныхъ сосудовъ и книгъ (евангеліе) — съ украшеніями изъ чистаго золота и драгоцѣнныхъ камней, — „выше всякой цѣны“... — Но матеріальныя сокровища Троицкаго монастыря, какъ мы многократно ви-

дѣли выше, не оставались талантами зарытыми въ землю; „церковное богатство — нищихъ богатство“, говорилось въ старину, и богатствами Троицкаго монастыря въ теченіе многихъ вѣковъ пользовались русскіе люди — отъ царя до послѣдняго нищаго...

6. СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА ВЪ XVIII—XIX в. в.

Въ теченіе XVIII стол. въ управленіи Троице-Сергіевой лавры произошли существенныя измѣненія. Сюда относится, прежде всего, введеніе, точнѣе, возстановленіе соборнаго управленія. Соборное управленіе существовало въ русскихъ монастыряхъ, и въ частности, въ Троицкомъ монастырѣ въ древнія времена — важнѣйшія дѣла архимандритъ или игумень рѣшаль „поговоря съ братією“, или — „съ старцы соборными“, но въ XVII в. соборное управленіе въ Троицкомъ монастырѣ пришло въ упадокъ и замѣнилось управленіемъ „властей“ монастыря (архимандрита, келаря и казначея), что могло иногда вести къ злоупотребленіямъ.

Въ 1738 г. указомъ императрицы Анны Іоанновны было предписано ввести въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, по примѣру Кіево-Печерской лавры, соборное управленіе, чтобы „ни архимандритъ одинъ, ни келарь, ни казначей особливою власти не имѣли“, но чтобы избраны были 12-ть разумныхъ и добродѣтельнаго житія старцевъ, съ которыми обще и долженъ архимандритъ разсуждать обо всѣхъ дѣлахъ. „Соборные монахи“ должны быть „яко члены правленія“, и „архимандритъ самъ собою не имѣетъ власти соборныхъ монаховъ перемѣнять ниже наказывать, но долженъ писать въ синодъ и на убылыя мѣста представ-

лять, выбирая общимъ избраніемъ кандидатовъ на одно мѣсто двухъ или трехъ, предавая на разсужденіе Синода, кого изъ тѣхъ оной избересть и опредѣлить“.

Въ 1739 г. архимандриту Троице-Сергіева монастыря былъ данъ намѣстникъ.

Въ 1744 г. за Троицкимъ монастыремъ официально было утверждено наименованіе лавры; въ прежніе вѣка лаврами назывались многіе большіе монастыри, но въ XVIII—XIX в.в. это наименованіе сохранили только четыре наиболѣе славныхъ и значительныхъ монастыря — лавры Киево-Печерская, Троице-Сергіева, Александро-Невская и Почаевская.

Въ 1764 г., по отобраніи въ казну монастырскихъ имѣній, была упразднена чрезвычайно важная дотолѣ въ Троицкомъ монастырѣ должность келаря, который, управляя всѣми вотчинами монастыря, имѣлъ въ своемъ распоряженіи большой штатъ чиновниковъ и служителей; его замѣнилъ экономъ, стоявшій, по своей должности, ниже казначея.

Въ 1770 г. архимандритъ Платонъ Левшинъ, бывъ посвященъ въ санъ архіепископа Тверскаго, сохранилъ за собой званіе архимандрита Троицкой лавры; въ 1775 г. онъ былъ переведенъ архіепископомъ въ Москву, въ 1787 г. переименованъ въ митрополиты, сохраняя неизмѣнно званіе Троицкаго архимандрита; съ 1792 г. онъ поселился въ Лаврѣ и много потрудился надъ ея украшеніемъ и благоустройствомъ. Послѣ митрополита Платона и всѣ прочіе митрополиты московскіе состояли архимандритами Троице-Сергіевой лавры (со званіемъ „священно-архимандрита“), для фак-

тического же управленія Лавроу въ помощь имъ назначались намѣстники, бывшіе въ то же время архимандритами Виѣанскаго монастыря, устроеннаго близъ Лавры митрополитомъ Платономъ въ 1783—1787 г.г.

Къ началу XX ст. управленіе Лавроу состояло изъ священно-архимандрита, которымъ былъ митрополитъ Московскій, его намѣстника — архимандрита Виѣанскаго монастыря, казначея, эконома и Учрежденнаго собора, который въ 1897 г. былъ переименованъ въ Духовный соборъ и который состоялъ изъ 11-ти членовъ; соборные старцы избирались Духовнымъ соборомъ Лавры и утверждались митрополитомъ.

Число иноковъ въ Троице - Сергіевомъ монастырѣ въ XV—XVI в.в. не превышало 150—200 человекъ. По списку 1641 г. ихъ значилось 236 человекъ. По штатамъ 1764 г. въ монастырѣ положено быть 100 монахамъ, которымъ было назначено небольшое денежное жалованье (взамѣнъ отобранныхъ у монастыря вотчинъ). — Въ 1892 г. въ Троице-Сергіевой Лаврѣ было 252 монаха, въ томъ числѣ 67 іеромонаховъ, 38 іеродіаконовъ, 80 монаховъ и 57 послушниковъ (кромѣ того было около 150 чел. „неуказныхъ“ послушниковъ).

Среди настоятелей Лавры въ XVIII в. находимъ, какъ и въ прежніе вѣка, многихъ выдающихся церковныхъ дѣятелей, знаменитыхъ въ свое время проповѣдниковъ и будущихъ іерарховъ Россійской церкви, каковы были, среди другихъ, Георгій Дашковъ (1711—1718), Гавріиль Бужинскій (1722—1726), Варлаамъ Высоцкій (1726—1737), Гедeonъ Криновскій (1758—1761).

При имп. Елизаветѣ Петровнѣ (1741—1761 г.г.)

восемь архимандритовъ и намѣстниковъ Лавры были взяты на каѳедры святительскія, въ томъ числѣ знаменитый подвижникъ Іоасафъ Горленко, епископъ Бѣлгородскій (съ 1748 г. † 1754 г.), Антоній Нарожницкій, митрополитъ Сибирскій и Тобольскій (съ 1742 г. † 1748 г.), Ѳеодосій Янковскій, архіепископъ Санктъ-Петербургскій (съ 1745 г. † 1770 г.) и др.

Архимандритъ Св.-Троицкой лавры (съ 1766 г.), впослѣдствіи митрополитъ Московскій Платонъ Левшинъ († 1812 г.) много трудовъ и средствъ положилъ на украшеніе и расширеніе Лавры: въ 1807 г. онъ пристроилъ святыя ворота къ Красной башнѣ; въ 1783—1787 г.г. устроилъ въ 3¹/₂ верстахъ отъ Лавры Виѳанскій монастырь, который сталъ кладбищнымъ отдѣленіемъ Лавры; въ 1800 г. была открыта Виѳанская духовная семинарія; митрополитъ Платонъ устроилъ также Геѳсиманскій скитъ близъ Лавры. — Изъ сооруженій нѣсколько болѣе ранняго времени слѣдуетъ упомянуть еще стройную и высокую (высота ея — вмѣстѣ съ куполомъ — 41¹/₃ саж.) лаврскую колокольню, построенную въ 1741—1756 г.г. по плану знаменитаго архитектора Елизаветинскаго времени гр. Растрелли; въ 1748 г. для нея былъ отлитъ огромный „царь-колоколъ“ — въ 4 тыс. пудовъ вѣсомъ.

Много вниманія и заботъ удѣляли Троице-Сергіевой лаврѣ митрополиты московскіе и въ XIX в., особенно митрополитъ Филаретъ Дроздовъ; во время управленія Лаврою митрополита Филарета (1821—1867 г.г.) изъ ея братства вышло до 30-ти настоятелей разныхъ монастырей.

Велика была попрежнему роль Лавры и въ области духовнаго просвѣщенія; указомъ импер.

Анны (21 сент. 1738 г.) велѣно было открыть въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ семинарію для подготовки образованныхъ священно-служителей, которая и была открыта 1-го октября 1742 г.; при открытіи семинаріи въ нее было набрано 104 ученика изъ дѣтей духовенства и монастырскихъ слугъ; въ послѣдствіи число учениковъ семинаріи превысило 300. — Въ 1814 г. была переведена изъ Москвы въ Лавру духовная академія, которая была открыта въ Лаврѣ 1-го октября этого года, — и съ тѣхъ поръ высшая школа богословскаго знанія тѣсно срослась духовными и матеріальными связями съ высшимъ хранителемъ и разсадникомъ благочестія.

Въ теченіе вѣковъ въ Троицкой лаврѣ образовались значительная библіотека и архивъ. По описи 1641 г. въ лаврской библіотекѣ хранилось до 700 рукописей; въ началѣ XX в. число ихъ превышало 1000. Въ лаврскомъ архивѣ, по описи 1860—76 г.г. хранилось 517 №№ отдѣльныхъ всякаго рода актовъ и 302 №№ сборниковъ разныхъ актовъ, представляющихъ собою болѣе или менѣе толстыя книги. Библіотека и архивъ Троицкаго монастыря представляютъ собою огромную и еще недостаточно использованную историческую цѣнность.

Въ экономическое положеніе Троице-Сергіевой лавры XVIII-й вѣкъ внесъ значительную переменъ: въ 1764 г. у Троицкой лавры (какъ и у другихъ русскихъ монастырей) были отобраны государственной властью населенныя имѣнія и отданы въ вѣдѣніе т.-наз. Коллегиі Экономіи. Число монастырскихъ крестьянъ Троицкой лавры дошло къ 1764 г. до огромной цифры—106¹/₂ тыс. душъ.

*

Были отобраны также почти всѣ подворья и дворы, принадлежавшіе Лаврѣ въ 45-ти различныхъ городахъ Россіи.

Но лишенная своихъ огромныхъ владѣній, Троицкая лавра все же не оскудѣла; попрежнему оказывала она широкую благотворительную помощь нуждающимся, а въ тяжелыя годы внѣшнихъ войнъ, особенно въ Отечественную войну 1812-го года, приходила на помощь государственной казнѣ своими денежными пожертвованіями и монастырскимъ серебромъ.

* * *

Въ 1892 г. Троице-Сергіева лавра торжественно праздновала 500-лѣтіе со дня смерти своего святаго основателя, а черезъ 25—30 лѣтъ пришли для нея, какъ и для всей Русской православной церкви, тяжкія времена скорби и гоненій. Дерзкая святотатственная рука осквернила своимъ прикосновеніемъ гробъ преподобнаго Сергія, погасила теплившуюся передъ нимъ лампадку — символъ благочестія Русской земли, и превратила священную Троице-Сергіеву обитель въ „историко-художественный музей“... Но твердо вѣритъ православное русское сердце, что не вѣчна покрывшая Лавру ночь, что снова затеплится лампадка у гроба преп. Сергія, что снова зазвонятъ лаврскіе колокола, призывая православный народъ къ молитвѣ и покаянію, что — просвѣтленная и возвышенная страданіемъ — снова возродится во всей силѣ и красотѣ духовной святая обитель преподобнаго Сергія!

7. ТРОПАРИ ПРЕПОДОБНОМУ СЕРГІЮ.

25 Сентября. Преставленіе преп. Сергія Радонежскаго Чудотворца.

Тропарь гл. 4-й:

Иже добродѣтелей подвижникъ, яко истинный воинъ Христа Бога, на стражи вельми подвизался еси въ жизни временнѣй, въ пѣніяхъ, бдѣніяхъ же и пощеніяхъ образъ бывъ твоимъ ученикомъ; тѣмже и вселися въ тя Пресвятый Духъ, Его же дѣйствіемъ свѣтло украшенъ еси; но яко имѣя дерзновеніе ко святѣй Троицѣ, поминай стадо, еже собралъ еси мудрѣ; и не забуди, яко же обѣщался еси, посѣщая чадъ твоихъ, Сергіе преподобне, отче нашъ.

Кондакъ гл. 8-й.

Христовою любовію уязвився, преподобне, и Тому невозвратнымъ желаніемъ послѣдовавъ, всякое наслажденіе плотское возненавидѣлъ еси, и яко солнце отечеству твоему возсіялъ еси: тѣмъ и Христось даромъ чудесь обогати тя. Поминай насъ чтущихъ пресвѣтлую память твою, да зовемъ ти: радуйся Сергіе, Богомудре.

5 Іюля. Обрѣтеніе честныхъ мощей преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія, игумена Радонежскаго, чудотворца.

Тропарь гл. 8-й.

Отъ юности воспріялъ еси Христа въ души твоей, преподобне, и паче всего вождѣлъ еси мірскаго мятежа уклонитися: мужески въ пустыню вселился еси, и чада послушанія въ ней, плоды смиренія возрастилъ еси: тѣмъ бывъ Троицѣ вселеніе, чудесы твоими всѣхъ просвѣтилъ еси проходящихъ къ тебѣ вѣрою: и исцѣленія всѣмъ подавая обильно, отче нашъ Сергіе, моли Христа Бога, да спасеть души наша.

Кондакъ гл. 8-й.

Днесь, яко солнце пресвѣтло возсіявшія отъ земли, честныя мощи твоя нетлѣнны обрѣтошася яко благоуханный цвѣтъ, множествомъ чудесъ сіяюща, и всѣмъ вѣрнымъ источающа различная исцѣленія, и веселяща избранное твое стадо, еже мудрѣ собравъ, добрѣ паствилъ еси: о нихже и нынѣ Троицѣ предстоиши моляся, и благовѣрнымъ побѣдительная на враги даровати, да вси вопіемъ ти: радуйся, Сергіе Богомудре.

ОБ АВТОРЕ

Сергей Германович Пушкарев родился 8 августа 1888 года под Старым Осколом в семье юриста, землевладельца. В 1907 году окончил с золотой медалью гимназию в Курске и поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета. За связь с социал-демократами (меньшевиками) был арестован в 1910 г. и исключен из университета, после чего выехал за границу и в 1911-14 гг. прослушал курс лекций на философском факультете университетов в Гейдельберге и в Лейпциге. В 1916 году был восстановлен в Харьковском университете. Во время революции примкнул к группе Плеханова „Единство”. Прослужив добровольцем в армии лето и осень 1917 года, окончил университет в 1918 году и был по рекомендации профессора М.В. Клочкова оставлен на кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию.

По приходе в Харьков частей Белой армии, в июне 1919 года, отказавшись от марксизма, поступил рядовым в один из пехотных полков. В декабре был тяжело ранен в бою с махновцами и после многих месяцев в госпитале поступил сначала в Управление начальника авиации в Симферополе, а затем на бронепоезде „Офицер” участвовал в боях за Сиваш. В ноябре 1920 года в составе армии ген. Врангеля был эвакуирован в Турцию.

В ноябре 1921 года С.Г. Пушкарев переехал в Прагу, где получил стипендию для научной работы через Русскую Учебную Коллегию, организованную по инициативе чешского правительства для помощи русским студентам и ученым. В 1924 году под руководством проф. И.И. Лаппо выдержал магистрские экзамены при Русской Академической Группе и получил звание приват-доцента. Был доцентом Русского Свободного Университета в Праге; членом Русского Исторического Общества и Ученого совета Русского Заграничного Исторического Архива, находившегося в ведении чешского Министерства иностранных дел.

В 1927 году женился на Юлии Тихоновне Поповой, которой летом этого года удалось выехать из Ленинграда (скончалась в 1961 году). В 1929 году у них родился сын Борис.

За пражский период своей жизни автор опубликовал ряд научных статей и брошюр на русском и чешском языках. К теме о русском крестьянстве относятся: „Очерк истории крестьянского самоуправления в России” (изд-во „Хутор”, 1924); „Политические движения и политическая организация русского крестьянства в 20-м веке” (по-английски, в сборнике по сельской социологии под ред. Питирима Сорокина, Миннеаполис, США, 1931); „Происхождение крестьянской поземельно-передельной общины в России” (два выпуска, Прага 1939 г. и 1941 г.); последнюю работу можно считать основным научным трудом автора. Ее второе, дополненное издание вышло в США в 1976 году с предисловием проф. М.И. Раева.

К теме о средневековом городе относятся: „Внутреннее устройство и внешнее положение Псковского государства в 14-15 вв. (по-чешски, 1925), „Городское сословие и городское устройство в Чехии в 14-15 вв.” (по-чешски, Прага, 1938). Внутреннему строю Московского государства посвящены статьи „Целовальники в суде и управлении Московской Руси” и „Целовальники в государственном хозяйстве Московской Руси” (Белград, 1933 г. и 1936 г.). Значению Церкви в русской истории посвящены брошюры „Свято-Троицкая Сергиева Лавра” (Прага, 1928) и „Роль православной Церкви в истории русской культуры и государственности” (Ладомирово, 1938), переизданные в настоящей книге.

В конце Второй мировой войны С.Г. Пушкирев подготовил две большие статьи с критикой исторических концепций марксизма, предназначенные для журнала „Новые Вехи”. Обе рукописи пропали.

В апреле 1945 года автор выехал с семьей из Праги. После драматических, но благополучно закончившихся встреч с Советской армией, попал в августе 1945 года в Западную Германию, где прожил в лагерях для „перемещенных лиц” четыре года, заведя школами для русских детей. В конце июля 1949 года по приглашению проф. Г.В. Вернадского переехал с семьей в США, в город Нью-Хейвен.

В 1953 и 1956 гг. в издательстве им. Чехова в Нью-Йорке вышли по-русски обобщающие труды С.Г. Пушкирева: „Обзор русской истории” и „Россия в 19-м веке”. Последняя книга в значительно дополненном и переработанном виде вышла в 1963 г. по-английски под заглавием „The Emergence of Modern Russia, 1801-1917”. Второе издание вышло в 1985 году в Эдмонтоне, в Канаде.

В течение своего 27-летнего пребывания в Нью-Хейвене автор был также сотрудником Британской энциклопедии и опубликовал более сотни статей и рецензий как в американских журналах (преимущественно Slavic Review и Russian Review), так и в зарубежных русских изданиях: „Новое Русское Слово”, „Новый Журнал”, „Записки Русской Академической Группы в США”,

„Грани”, „Мысль” и „Посев”. В этих статьях автор частично возвращался к темам пражского периода — таким как история крестьянства, Петр Великий и история церкви. На последнюю тему им в 1974 году в „Записках Русской Академической Группы в США” была опубликована „Историография русской православной Церкви” (75 стр.).

Но он уделял внимание и другим темам — в частности, взаимоотношениям России и Запада в 19-20 вв., а также революции 1917 года и Ленину. В 1978 году в издательстве „Посев” вышел сборник „Ленин и Россия”, составленный автором из статей, напечатанных в зарубежной периодике в 1956-72 гг.

В 1985 году в том же издательстве посмертно вышла последняя работа С.Г. Пушкирева „Самоуправление и свобода в России”.

Твердая убежденность в том, что дореволюционная Россия не была „страной рабов” и что элементы свободы и самоуправления играли существенную роль в народной жизни даже в мрачные периоды его истории проходит красной нитью через основные работы автора, и его последний труд представляет популярное изложение этой темы.

Сергей Германович Пушкирев скончался 22 января 1984 года на 96-м году жизни в пригороде Нью-Йорка и похоронен в Нью-Хейвене.

КНИГИ С.Г. ПУШКАРЕВА

1. „Обзор Русской Истории.” Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1953. 509 с.
2. „Россия в XIX веке (1801—1914)”. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1956. 509 с.
3. „The Emergence of Modern Russia, 1801—1917”. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1963. („Возникновение современной России”, переработанный и дополненный перевод „России в XIX веке”). 535 с.
Second edition: Pica Pica Press, Edmonton, Alberta, 1985. 512 p.
4. „Dictionary of Russian Historical Terms”. New Haven: Yale University Press, 1970. 199 с. (Словарь русских исторических терминов).
5. „A Source Book for Russian History from Early Times to 1917”. G. Vernadsky, senior editor; R. Fisher, managing editor; Sergei Pushkarev, compiler. New Haven: 1972. (Хрестоматия источников по русской истории с раннего времени по 1917 год, в трех томах). 1013 с.
6. „The Bolshevik Seizure of Power by S. P. Melgunov. Edited and abridged by S. Pushkarevs... Santa Barbara, Calif.: Clio Press, 1972. (Сокращенный перевод книги С. П. Мельгунова „Как большевики захватили власть”, под редакцией С. Пушкарева). 285 с.
7. „Крестьянская поземельно-передельная община в России”. Oriental Research Partners, 1976. (Перепечатка вышедших ранее в Праге двух частей, с дополнением третьей части и с вступлением проф. Марка Раева). 165 с.
8. „Ленин и Россия; сборник статей”. Франкфурт на Майне, „Посев”, 1978. 195 с.
9. „Самоуправление и свобода в России”, Франкфурт на Майне, „Посев”, 1985, 173 стр.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Протоиерея Иоанна МЕЙЕНДОРФА 5

РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ИСТОРИИ РОССИИ

1-й Древний период. 10-12 вв.

Русь Киевская, Ростовско-Суздальская и Новгородская 11

2-ой период.

От татарского завоевания до конца 17 века 20

3-й Синодский период.

От Петра Великого до революции 55

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГИЕВА ЛАВРА

1. Житие и подвиги преп. Сергия 65

2. Значение преп. Сергия в истории Русской церкви
и Русского государства. Его ученики и продолжатели 76

3. Троице-Сергиев монастырь в 15-16 ст. 83

4. Троице-Сергиев монастырь в Смутное время 89

5. Троице-Сергиев монастырь в 17 ст. 104

6. Свято-Троицкая Сергиева лавра в 18-19 ст. 111

7. Тропари Преподобному Сергию 117

Об авторе 119

Книги С. Г. Пушкарева 123

